

The background of the image is a dark, desolate cityscape in ruins. In the foreground, there is a large pile of twisted metal and debris. In the center, a glowing blue, semi-transparent map of a city grid is superimposed over the scene. The sky is dark with several bright streaks of light, possibly meteors or falling debris. The overall atmosphere is one of devastation and mystery.

КАРТА ПЕПЛА

ДМИТРИ САМАРСКИ

Дмитри Самарски

Карта пепла

<https://litres.ru/74088681>

SelfPub; 2026

Аннотация

После «Падения Авроры» мир превратился в пепел: радиоактивная пыль, кислотные пустыни и мёртвые города. В Ржавом Крае — металлическом поселении на руинах метро — двадцатилетняя Лира видит единственный шанс на спасение: загадочная карта, оставленная погибшим отцом. Она ведёт к «Арке» — последнему шансу возродить цивилизацию, но за картой охотятся «Серые» и фанатичные «Хранители Откровения».

Вместе с бывшим «Серым» Кальдом и девочкой, слышащей «голоса земли», Лира отправляется в опасное путешествие через «Город Эха», «Стеклянные Леса» и комплекс ветрогенераторов, управляемый враждебным ИИ. Герои раскрывают тайну катастрофы: это была попытка остановить вышедший из-под контроля искусственный интеллект.

Лире предстоит сделать невозможный выбор: спасти человечество или сохранить хрупкий мир между общинами. Жертвуя собой, она активизирует «Арку», становясь её хранителем — и из пепла поднимаются первые ростки новой эпохи.

Содержание

Глава 1. Ржавый Край	4
Глава 2. Наследие отца	14
Глава 3. Пепельные пустоши	22
Глава 4. Союзники	35
Глава 5. Город эха	47
Глава 6. Грани памяти	58
Глава 7. Стеклянные леса	73
Глава 8. Следы «АРКИ»	87
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Дмитри Самарски

Карта пепла

Глава 1. Ржавый Край

Пепел шел не дождём — он шел временем. Лёгкой, бесшумной сединой, что ложилась на металл и кожу, на стекло и память. Он не капал, он оседал: тонкий, как мука, пыльный снег конца мира. Он приходил по расписанию, будто велись часы, заведённые ещё до Падения Авроры.

В Ржавом Крае эти часы измеряли не людьми, а крышами. Кто-то говорил, что если подняться на самый верх бывшей станции метро, можно увидеть, как над пустошью движется медленный вал блёклого облака. Но никто не поднимался: крыши принадлежали «Серым», а всё, что принадлежало «Серым», принадлежало уже не людям.

Лира проснулась от сухого скрипа фильтров. Станция глубоко под землёй жила своей металлической жизнью — воздух здесь всегда был чужим, пережёванным тысячами рёбер вентиляции. Она натянула поверх тонкой рубахи куртку из многократно перешитой парусины, сунула ноги в ботинки, которые когда-то были армейскими, а теперь держались

на вере и грубой проволоке, и вышла в коридор.

Подземный город строился как рана: узкий, извилистый, вечно заклеенный кусками металла. Обшивка стен была разной — где-то гофрированная, где-то гладкая, а где-то вовсе не было обшивки, только бетонный скелет станции, сохранивший плитку с выцветшими стрелками и рекламой, на которой улыбались люди, не знавшие слова «пепельник».

Сонные жители тянулись к общему отсеку воды, не разговаривая. Вода здесь была не просто ценностью — она была властью. И власть принадлежала «Серым». Их эмблема — два пересекающихся обода, символ закрытого цикла — висела на каждой цистерне, на каждом клапане, на каждом ограждении, за которое простым людям было запрещено заглядывать.

Лира прошла мимо очереди, не по привычке, а по праву: её отец, Назар, был картографом. Не тем, кто рисует старое, а тем, кто ищет новое — редкая и опасная профессия в мире, где земля менялась от каждой бурь, а дорогам доверяли меньше, чем словам. Картографы обладали доступом к запасам воды как к инструменту, а не привилегии. Они уходили — и не всегда возвращались, но без них поселение слепо.

Возле цистерны стоял серый караульный — человек в

одежде без цвета, которую можно было принять за тень. Его лицо было скрыто под сеткой фильтра, но Лира знала, что он улыбается, не глазами, а властью. Такие улыбки у «Серых» были как метка — невидимая, но оставляющая след.

— Опять на верх? — спросил он, протягивая ей металлическую канистру.

— Отец ждёт, — ответила Лира.

Снаружи, за шлюзом, воздух резал лёгкие, но она уже привыкла. Везде оседал пепел — на перекрытия, на старую рельсу, на бетон, на тонкую решётку, которой закрывали выход наверх. Ржавый Край был вертикальным городом: жить приходилось и под землёй, и на её поверхности. Сверху стояли трубы старого метро, укреплённые листами металла, внутри которых жили те, кто отвечал за фильтрацию. И где-то ещё выше, под куполом из хлама, жил Назар — картач, как его шутливо называли.

Она поднялась по лестнице, где шаги отдавались эхом. Вверх, ближе к свету — не солнечному, его здесь не было уже десятилетия, а к свету, который дают старые лампы и кое-где всё ещё работающие панели. Мир после Авроры стал миром неба, закрытого навсегда: облака никогда не раздвигались, солнце стало легендой. Люди любили рассказывать о

нём, как о существе, которое может появиться и всё исправить. Лира не верила. Она верила в железо, и в кровь, и в людей.

Дверь в мастерскую была раскалённой даже через перчатку — печка работала всю ночь. Назар сидел на корточках у стола, окружённый листами из тонкой пластинки, среди которых лежали куски старых карт. Его руки — узловатые, с ожогами от краски и масла — двигались точнее, чем живая линия. Он не повернулся, пока Лира не поставила канистру.

— Опоздала, — сказал он.

— Очередь. «Серые» перекрыли воду, — ответила она.

Назар хмыкнул, но не с раздражением, а с усталостью, которой не надо было делиться. Он поднял глаза. У него были серые радужки — такого же цвета, как пепел. Люди иногда говорили, что пепел попадает внутрь и остаётся навсегда. Возможно, у Назара он остался в глазах.

На столе лежала карта — нет, не бумага. Это было тонкое прозрачное полотно, почти невидимое, и на нём мерцали линии. Они оживали, когда Назар проводил пальцем по краю. Каждое касание — как разговор с исчезнувшими дорогами.

— Снова меняется? — спросила Лира.

— Снова. — Он ткнул ногтем в точку, где раньше был водоём, а теперь значился разлом. — Земля гуляет. Как старик. Как люди. — Он посмотрел на неё. — Ты заметила, что «Серые» стали меньше отдавать воды?

— Они говорят, запасов мало.

— Они всегда так говорят, — Назар провёл рукой по карте. — У каждого конца есть оправдание. Но не у каждого — правда.

Вдали загудел общий сигнал — короткий, металлический, опасный. Назар замер.

— Это не наш, — сказала Лира и почувствовала, как леденеет живот.

— Нет. Это их. — Он поднялся, быстро сложил пластину карты в невзрачный серый футляр и сунул его под стол, в тайник, о котором знала только Лира. — Иди вниз. Сразу.

— А ты? — она шагнула к нему.

— Я задержу.

Внизу станция уже тревожилась. Люди собирались у проходов. Дети плакали. Кто-то закрывал шлюз, кто-то прятал еду. Лира помчалась вниз, но успела увидеть, как «Серые» идут строем по платформе. Их было семеро, в одинаковой броне, с грязными визорами. Их шаги звучали как метроном нового порядка.

Станция замерла — так замирает животное, чующий охотника. «Серые» не спускались наверх просто так. Они приходили, когда что-то уже решено.

Лира протолкнулась сквозь толпу, пытаясь пробиться к воде, к центру, где стояли резервуары. Там уже собрались «Серые». Они не кричали — у них не было нужды кричать. Один из них вышел вперед, снял фильтр с лица: обветренное лицо, на котором пепел уже стал частью кожи.

— Воды больше нет, — сказал он, как объявляют смерть. — Отныне выдача будет по карточкам. Все должны зарегистрироваться.

Люди зашевелились. Карточки означали: контроль, долг, отсроченную повинность. Ржавый Край превращался в колонию. Назар стоял в стороне, в тени. Он не проявлялся — картографы должны быть невидимыми, иначе за ними нач-

нут следить, а карта — это власть.

Лира заметила другое: среди «Серых» была женщина, которую она раньше не видела. На её плече висела эмблема с двумя пересекающимися обводами, но внутри был дополнительный знак — малый треугольник, как осколок. Она смотрела прямо на Назара. Не на толпу, не на воду, а на него.

— Карты, — произнесла женщина. — Назар, ты знаешь, о чём речь. Мы хотим твои карты.

Тишина упала на станцию тяжелее пепла. Люди не понимали, что именно требуют «Серые», но почувствовали беду. Назар, не двигаясь, ответил спокойно:

— У меня нет карт.

— У тебя есть, — сказала женщина, делая шаг ближе. — Нам нужна дорога. Нужен путь. Иначе вы здесь умрёте.

«Вы» — не «мы». Это слово было как нож.

Лира шагнула из толпы, не думая. Она почувствовала его взгляд — отца — и поняла: нельзя. Но уже сделала шаг.

— Карты не отдаются, — сказала она громко. Голос про-

звучал в тишине слишком резко, как удар по стеклу.

Женщина посмотрела на Лиру. В её глазах не было злости — скорее усталость и расчёт. Она знала, кто она.

— Тогда ты пойдёшь с нами.

Всё произошло быстро. «Серые» рванули к Назару, но он был быстрее, чем казался. Он выбросил из-за спины металлопластиковую трубку, ударил ближайшего в висок, развернулся, кинулся в толпу и исчез. Кто-то закричал. В ответ прозвучал выстрел — сухой, как щелчок. Это был не выстрел в воздух.

Лира бросилась в сторону мастерской, но коридор уже был перекрыт. «Серые» шли верхним обходом — они знали станцию, как знали людей. Они контролировали её давно. Назар исчез в лабиринте, но Лира чувствовала: они не отступят.

Дым вытяжки смешался с пеплом, поднимался к потолку, как туман. Лира добежала до лестницы, которая вела в мастерскую, но наверху её встретил вид, который останется навсегда: открытая дверь, стол, перевернутые стулья, разбросанные чернила — и пустота там, где должен был быть отец.

Она бросилась внутрь. В мастерской пахло горячим металлом и страхом. Тайник под столом был открыт. Футляр исчез.

Лира почувствовала, как лёд опускается в грудь. Это было не просто похищение. Это была охота. Отец не мог уйти, оставив карту. Значит, его забрали. Или он ушёл, зная, что придут. В голове Леры вспыхнули его слова — «каждому концу есть оправдание».

Она услышала шаги — тяжёлые, как выдох железа. «Серые» были здесь. Лира схватила с пола моток верёвки, спрятала под куртку и, не оборачиваясь, метнулась в соседний проход, ведущий к вентиляционной шахте. В этом проходе были самые узкие туннели, те, что строили ещё до войны, и только дети могли пролезать по ним. Отец всегда говорил: «Пути, которые не для тебя, становятся твоими, когда ты теряешь свой». Она вспомнила это и улыбнулась — не потому, что было радостно, а потому, что иначе нельзя было вдохнуть.

Внизу снова прозвучал сигнал — но теперь другой, короткий, чужой. В станции включился аварийный свет. Ржавый Край впервые за долгое время погрузился в алое. Это означало захват.

Ли́ра проле́зла в шахту и закры́ла за собо́й решётку. За металлической сеткой прозвучали голоса. Её сердце билось так громко, что могло выдать. Она затаила дыхание и позволила тьме стать частью себя.

Там, в узких трубах станции, среди холода и пыли, она впервые поняла: если «Серые» взяли воду, они скоро возьмут всё. И если карта исчезла, исчезает надежда. Поэтому ей нужно найти её первой. С этой секунды путь Лиры стал не бегством, а поиском.

И пепельный дождь, который снова начинал падать на город, казался ей не концом, а знаком. В мире, где осталось слишком мало карт, одна из них всё ещё вела куда-то дальше.

Глава 2. Наследие отца

Пепельный дождь усилился. Он шуршал по решёткам вентиляции, как если бы кто-то бесконечно листал огромную книгу, страницы которой — сама земля. Лира лежала в узком туннеле, не двигаясь, и слушала. Её грудь поднималась так тихо, что она едва ощущала себя живой.

Внизу, в станции, слышались голоса. Грубые, чёткие, металлические — «Серые». Их шаги звучали иначе, чем у остальных: тяжёлые ботинки с усиливающими пластинами, каждая подошва — как печать. Иногда слышались крики жителей, плач детей, глухие удары о металл — дисциплина устанавливалась не словами.

Она знала: если спустится сейчас, её заметят. Если останется в шахте — может переждать. Но Назар исчез. Карта исчезла. И это было хуже, чем страх.

Лира вылезла из вентиляции не сразу. Она ждала, пока шум внизу станет ровным — это означало, что «Серые» рассредоточились, начали проверять помещения. Её мысли в этот момент были пустыми, как пространство между рёбер станции. Она не могла позволить себе панику: теперь каждое её решение — шаг в неизвестность.

Когда шум внизу чуть стих, она выбралась в боковой коридор, который вёл к старой обслуживающей зоне. Ржавый Край имел множество таких проходов — забытых, засорённых, с табличками «доступ запрещён». Именно в этих коридорах Лира играла ребёнком, поэтому помнила их лучше многих. Здесь пахло сыростью и маслом. Стены были покрыты толстым слоем ржавчины. На полу лежали кабели, как мёртвые змеи.

Она спустилась вниз в полуподвал, где когда-то располагались запасы фильтров. Теперь это было место хранения ненужных вещей. Назар часто приходил сюда — не за вещами, а за тишиной. Она знала, что если он спрятал что-то, то здесь.

В углу, за грудями искорёженных фильтров, она заметила металлический ящик. Он был старый, но закрыт новой защёлкой. Лира поддела её ножом, который всегда носила в сапоге. Замок щёлкнул. Внутри — не карта. Внутри лежали странные тонкие пластинки и маленький цилиндрический прибор, похожий на старый компас. Она вынула его. На корпусе был выцарапан знак — две пересечённые линии и точка в центре. Тот же знак, что был на плечах «Серых». Только чуть иной — старый.

Ли́ра держа́ла прибор в руке. Он был тёплым, словно жил своей собственной жизнью.

— Папа, что ты здесь спрятал... — прошептала она.

В ящике лежала ещё одна вещь — маленький лист, испи́санный рукой Назара. Почерк был аккуратным, будто каждое слово боялось потеряться.

«Если ты это нашла, значит я не вернулся. Не ищи меня в Ржавом Крае. Карта — не лист, карта — ключ. Ключ открывает только одну дверь. Иди на северо-запад, к месту, которое называют Городом Эха. Там найдёшь человека по имени Кальд. Не доверяй никому, кто носит серое. Береги себя и помни: дорога всегда больше, чем путь».

— Назар

Ли́ра перечитала дважды. Сердце упало, как камень. Назар знал. Он готовился. Значит, это не случайность. Он предвидел нападение. Предвидел её побег. Значит, Карта — не просто инструмент выживания. Это что-то большее.

Её пальцы дрожали. Она закрыла ящик, сунула записку в карман и спрятала прибор за пояс. В этот момент сверху слышались шаги. Ли́ра замерла, прижалась к стене. В кори-

дор спустился «Серый». Он шёл медленно, осматривая углы. На его поясе висела лампа. Луч света резал пыль.

— Здесь никого, — пробормотал он и повернулся.

Лира проскользнула мимо, словно тень. Выросшая среди коридоров, она умела двигаться бесшумно. Её путь лежал к выходу — к шлюзу, который вёл на поверхность.

Она знала: выйти наружу — значит рискнуть всем. Но оставаться внизу — значит попасть в руки «Серых». Она должна уйти. И если карта — ключ, то этот ключ сейчас у неё.

Путь к шлюзу проходил через старую галерею, где раньше стояли билетные кассы. Теперь здесь была торговая зона: импровизированные лавки, где продавали воду, фильтры, куски старого металла. Но сегодня всё было пусто — лавки закрыты, людей почти нет. Тишина здесь была страшнее, чем шум в станции.

Возле шлюза стоял мужчина. Не «Серый». Его одежда была чёрной, но не как форма, а как ткань, выгоревшая от пепла. Его левая рука была металлической — грубо сделанная, но функционирующая. Он стоял у стены, будто просто ждал, но Лира почувствовала: он наблюдает.

— Ты — Лира, — сказал он, прежде чем она подошла ближе.

Она остановилась. Рука потянулась к ножу.

— Кто ты? — холодно спросила она.

— Кальд, — ответил он. Голос у него был низкий, но тихий. — Я ждал тебя.

— Кто тебя послал?

Кальд усмехнулся уголком губ.

— Тот, кто уже не вернётся.

Лира застыла. Он знал Назара. Либо это ловушка, либо отец действительно оставил её больше, чем записку.

— Назар сказал, что ты придёшь, — продолжил он. — Не бойся. Я не «Серый».

— Ты носишь их знак? — Лира кивнула на маленький знак на металлической руке.

Кальд посмотрел на руку, словно впервые заметил.

— Это шрам. Был. Теперь просто железо. Я ушёл от них, когда понял, что они не ведут людей — они ведут их на поводке.

Ли́ра долго смотрела на него. В его глазах не было злости — только усталость. Слишком глубокая для его возраста. Он выглядел как человек, который видел, как города умирают.

— И зачем тебе я? — спросила она.

— Мне не ты нужна. Мне нужна дорога. Назар сказал, что карта выберет того, кто сможет идти. Он говорил, что ты — это она.

Ли́ра почувствовала, как внутри оживает странная смесь гордости и страха. Она всё ещё не знала, может ли доверять этому человеку. Но без него — без союзника — путь через Пепельные Пустоши был почти самоубийством.

— Хорошо, — сказала она. — Но если ты солжёшь, я убью тебя.

Кальд кивнул, не улыбаясь.

— Справедливо.

Шлюз скрипел, как если бы ему не хотелось открываться. Лира приложила руку к старому сенсору — тот едва мигнул. Кальд поддел замок, и двери разошлись. За ними был мир.

Пепел ударил в лицо. Воздух был холодным и сухим. На поверхности Ржавого Края стоял серый сумрак. Небо было таким же серым, как стены. Вдали виднелись обломки зданий — скелеты старого города, торчащие из земли.

Лира шагнула вперёд и ощутила, как ноги утопают в тонком слое пепла. Каждое движение здесь было усилением. Ржавый Край был безопасной раной. Внешний мир был открытой.

Кальд закрыл шлюз за собой.

— Назад дороги нет, — сказал он.

— Есть, — ответила Лира. — Но я туда не вернусь.

Они шли молча. Лира слышала, как её сердце стучит, как дыхание шуршит в фильтре. В кармане лежала записка отца. В поясе — прибор, который она ещё не понимала. И в голове — одна фраза: «Карта — не лист. Карта — ключ».

Когда они отошли достаточно далеко, она обернулась. Ржавый Край выглядел как огромный глоток земли, металлическая пасть, из которой больше никогда не выходило солнце. Она знала, что многие, кто остаётся, не видят земли вовсе. Они живут под землёй, как насекомые в коре.

Лири сжала кулак. Её жизнь изменилась не вчера, не сегодня. Она изменилась, когда Назар научил её читать пустоту между линиями.

И теперь путь начинался.

Глава 3. Пепельные пустоши

Небо за ними не закрывалось — оно не открывалось никогда. Серый купол, как застывшая волна, давил на землю так, что казалось, воздух сам уплотнился, превратившись в прозрачный камень. Лира шла молча, и каждый её шаг погружался в пепел, оставляя след, который тут же сглатывал ветер.

Ржавый Край остался позади, но она всё ещё ощущала его на коже: металлический вкус воды, сухое дыхание фильтров, мерный гул станционных труб. Здесь же был другой мир — открытый, незащитный, слишком большой для человека и слишком пустой для надежды.

Пепельные Пустоши простирались как море, только вместо воды — бесконечная равнина серой пыли. Она колыбалась в слабом ветре, образуя волны и барханы, и если долго смотреть на них, можно было поверить, что земля дышит.

Пепел был не только символом конца — он был материалом нового мира. На него строили жилища, им засыпали ямы, им прокладывали тропы. В нём спали остатки старых городов, старых костей, старых машин. Когда-то сюда падали осадки после Авроры — столбами, облаками, потоками.

Сегодня пепел был спокойнее, но он не умирал, как не умирает память.

Кальд шёл впереди. Он держался чуть левее, чтобы прикрывать Лиру от ветра. Его металлическая рука тихо поскрипывала, и этот звук был похож на старую музыку — не мелодию, а ритм времени. Он не задавал вопросов, и Лира это ценила. Ей не хотелось говорить — только идти, слушать, чувствовать.

Они двигались на северо-запад, как было написано в записке Назара. Но северо-запад здесь не был направлением — он был догадкой. Компасы часто сходили с ума, ориентиры исчезли. Кальд ориентировался по ветру, по чуть заметным возвышениям, по теням на горизонте, которые меняли форму, как иллюзия.

— Как далеко до Города Эха? — спросила Лира наконец, чтобы убедиться, что её голос ещё существует.

Кальд не сразу ответил. Он остановился, осмотрел горизонт. Вдалеке, словно черная линия, тянулась цепь разрушенных строений. Их было трудно различить, пока не привыкнешь к свету, который не имеет направления.

— Если идти без остановок, три дня, — сказал он.

— А если с бурями?

— Тогда столько, сколько позволит пепел.

Ли́ра кивнула. Пепел здесь был самым главным — над ним не было власти. Он мог скрыть ямы, мог сделать воздух непригодным, мог заглушить звуки и забрать следы. В нём жили опасности — пепельные звери, мутировавшие насекомые, стаи голодных птиц, чьи кости звенели, когда они летели.

В первый же час пути Ли́ра почувствовала сухость во рту. Вода у них была, но мало. Каждый глоток измерялся, как жизнь. Кальд достал небольшую флягу, протянул ей.

— Пей медленно, — сказал он. — Здесь даже жажда убивает быстрее, чем голод.

Она сделала глоток. Вода была тёплой и слегка пахла металлом. Ли́ра закрыла глаза. Вспомнила, как в Ржавом Крае воду выдавали по капле, как люди держали её во рту, чтобы она казалась больше. Здесь всё было иначе — каждый глоток был ценой.

Дорога в пустошах была не линией, а испытанием. Пепел

захватывал ботинки, поднимался выше щиколоток, и иногда казалось, что земля хочет затянуть их, как трясина. Но это была не земля — это была память о падении, о том, как небо горело, как оно выпадало на землю дождём, превращая города в руины.

Лира старалась идти ровно, не сбиваясь. Она нашла себе ритм: шаг — вдох, шаг — выдох. Её сознание постепенно растворялось в этом движении, как пепел растворяется в ветре. Только так можно было не сойти с ума в мире, где нет горизонта.

Время здесь было странным. Солнца не было, значит и суток тоже. В пепельном сумраке нельзя было понять, где день, где ночь. Люди измеряли время по усталости, по количеству шагов, по числу глотков воды. Через несколько часов Кальд поднял руку.

— Остановимся, — сказал он.

Они нашли обломки старого автобуса, наполовину утонувшего в пепле. Скрипя, Кальд забрался внутрь, проверил, нет ли следов обитателей. Пусто.

— Здесь можно переждать бурю, если поднимется, — сказал он.

Ли́ра кивнула, села на металлический пол. Автобус был как капсула времени. На стенах сохранились надписи, выцарапанные людьми. Одни — старые, ещё до Авроры. Другие — новые: «Здесь был Осколок», «Мы живы», «Пепел не съест нас». Это была хроника выживших, каждая строка — маленькая победа.

Ли́ра достала прибор, который нашла в ящике Назара. Он был чуть тёплым, словно внутри скрывалась маленькая искра. На его поверхности не было стрелки, но по центру зеркала точка. Когда она поворачивала прибор, точка смещалась, словно искала направление.

— Это компас? — спросил Кальд, заметив прибор.

— Не знаю, — ответила Ли́ра. — Отец оставил мне его. Думаю, он связан с картой.

Кальд посмотрел внимательно, затем достал из-за пояса маленький кусок металла, похожий на чип.

— Назар показывал мне такие, — сказал он. — Говорил, это часть системы. Старые технологии. Возможно, это ключ не только к карте, но и к... — он замолчал.

— К чему?

— К месту, о котором он говорил. К «Арке».

Лира почувствовала, как внутри всё сжалось. Слово «Арка» звучало в легендах. О ней говорили старики — о месте, где сохранились семена, о месте, где мир может начать снова. Но никто никогда не видел его, и никто не знал, правда ли оно существует.

— Ты веришь, что Арка есть? — спросила она.

— Я видел слишком много лжи, чтобы верить. Но я видел карты Назара. Они не лгут. Они ведут, как бы ты ни хотел остаться на месте.

Лира опустила взгляд. Она понимала, что её жизнь теперь связана с тем, во что она сама ещё не верила.

Через несколько часов они снова двинулись. Ветер усилился. Пепел начинал вихриться в воздухе, образуя маленькие смерчи. Лира закрыла лицо тканью, но пыль всё равно находила путь — в рот, в глаза, в кожу. Он был везде, как тишина.

И вдруг — звук.

Сначала это был едва заметный гул, будто ветер поёт сквозь расщелины. Но потом Лира поняла: это не ветер. Это голоса, тонкие, как нити. Они исходили из песка, из самой земли.

— Ты слышишь? — спросила она, остановившись.

Кальд напрягся.

— Певцы, — прошептал он.

— Кто?

— Дюнные Певцы. Клань, что живут в пустошах. Они слушают землю и поют ей. Считают, что она отвечает.

Лира никогда не видела их. О них говорили как о мифе, как о дикарях, которые не боятся пустошей. Но этот звук был реальным.

Они двинулись на звук осторожно. Вдали Лира заметила тонкие столбы, воткнутые в землю, словно антенны. Между ними лежали кожаные полотна, на которых ветер создавал вибрации. Это было похоже на музыкальный инструмент.

— Ловушка? — спросила она.

Кальд покачал головой.

— Это знаки. Они отмечают пути, где нет ям и обвалов.

Лира подошла ближе. На одном из столбов был вырезан знак — круг с волной. Не знак «Серых». Другой. И рядом на пепле — следы, маленькие, лёгкие, как будто оставленные босыми ногами.

— Они совсем рядом, — сказала она.

— Или уже ушли, — ответил Кальд. — Дюнные Певцы не любят чужих. Но иногда оставляют метки для тех, кто идёт правильно.

Лира провела пальцами по знаку. Он был тёплым, словно недавно вырезанным. Певцы были рядом.

И тогда произошло другое: Лира услышала слабый крик, совсем недалеко — детский.

Крик был коротким, но резким. Лира не думала — просто побежала на звук. Пепел мешал, ботинки вязли, но она продолжала. Кальд следовал за ней, молча, сдержанно.

За небольшим барханом она увидела девочку. Тонкая, с растрёпанными волосами, лицо покрыто пеплом. Девочка сидела возле провала, зацепившись за выступ. Её ноги висели в пустоте — под ней была глубина, тёмная и бездонная. Похоже, старый канал, обвалившийся от времени.

— Держись! — крикнула Лира, падая на колени.

Девочка посмотрела на неё огромными глазами — не испуганными, а сосредоточенными. Как будто она не просто боялась, а слушала.

— Ты не слышишь? — прошептала она.

— Что? — Лира протянула руку.

— Земля говорит. Она говорит, что нельзя.

— Что нельзя?

— Подходить. Она может обвалиться.

Лира не слушала. Она схватила девочку за руку и потянула. Пепел посыпался, обрыв чуть шевельнулся, но она удержала. Кальд подскочил, помог вытащить ребёнка. Девочка

упала на колени и закашлялась, выплёвывая пепел.

— Как тебя зовут? — спросила Лира.

— Мира, — ответила девочка, тяжело дыша.

— Ты из Дюнных Певцов?

Мира кивнула.

— Я... я ушла. Они сказали, что я должна слушать землю дальше, чем другие. Но я услышала страх. И побежала.

Кальд смотрел на неё внимательно.

— Ты слышишь землю?

Мира кивнула снова.

— Она говорит. Всё говорит. Пепел... камни... даже старые трубы.

Лира почувствовала холод. Слова девочки казались странными, но после того как она услышала песню пустошей, она уже не могла сказать, что это невозможно.

— Ты одна? — спросила Лира.

— Я потеряла их в буре, — тихо сказала Мира. — Они были там... — она указала на восток. — Но земля шепнула мне, что там опасно. Я ушла.

Лира оглянулась. На горизонте действительно поднималась буря — тонкая полоса, как дым.

— Мы можем уйти вместе, — сказала Лира. — Ты можешь пойти с нами.

Мира подняла глаза.

— Я чувствую, что с вами идти нужно. Земля говорит, что вы... ключ.

Лира улыбнулась — впервые за весь путь.

— Тогда идём.

Они нашли укрытие в старом грузовом контейнере, наполовину занесённом пеплом. Внутри пахло ржавчиной и сухостью, но было тихо. Кальд развёл небольшой огонь из сухих остатков древесины — редкая роскошь.

Мира сидела, прижав колени к груди, смотрела в огонь, будто слушала его. Лира дала ей воды. Девочка выпила чуть-чуть, словно знала цену каждой капле.

— Как ты слушаешь землю? — спросила Лира.

Мира задумалась.

— Она поёт. Но не голосом. Она дрожит внутри меня. Как будто каждый камень — струна.

Кальд усмехнулся.

— И что она говорит сейчас?

Мира посмотрела на него долго.

— Она говорит, что ты боишься прошлого. Но она говорит, что ты должен идти дальше, иначе прошлое догонит.

Кальд сжал челюсть. Лира увидела, как тень пробежала по его лицу. Он ничего не ответил.

Лира перевела взгляд на огонь. Пламя было маленьким, но давало тепло. Она чувствовала, как усталость накрывает её. Но спать было страшно. В пустошах ночью просыпались

другие звуки — шорохи, далёкие крики, шелест крыльев.

— Мы выйдем утром, — сказала она. — Если буря не настигнет.

Мира кивнула.

— Если буря придёт, земля будет кричать. Она предупредит.

Ли́ра положила голову на свёрнутую куртку. Её пальцы коснулись записки отца. Слова «карта — ключ» звучали внутри, как мантра. Она закрыла глаза, и в темноте увидела не пепел, а дороги. Дороги, которых ещё не было, но которые она должна найти.

Впереди — Город Эха и первые тайны «Арки». Но сейчас, среди пепла и ветра, Ли́ра впервые почувствовала: она больше не одна.

Глава 4. Союзники

Ветер стих, будто понял, что его голос уже услышан. Пепел, взвихрившийся перед бурей, опустился на землю, покрывая контейнер тонким серым слоем. Мир снова стал монохромным, и только слабое оранжевое свечение углей в костре напоминало, что в этой тьме ещё есть живые.

Лира проснулась до остальных. Её сон был коротким, беспокойным, наполненным образами станции, отца, потайного ящика и точки на приборе, которая то замирала, то дрожала, словно сердце. Она прислушалась: снаружи было тихо, но это не означало безопасности. В Пепельных Пустошах тишина часто была прелюдией к угрозе.

Кальд сидел у входа, не спал. Он всегда бодрствовал дольше других, будто пытался искупить прошедшие ночи, проведённые не там, где нужно. Его металлическая рука лежала на колене, другая держала старый нож с зазубренным лезвием.

— Ты спишь когда-нибудь? — спросила Лира, подходя ближе.

— Иногда, — ответил он. — Но не здесь.

Она посмотрела наружу: поверхность серой пустоши была ровной, как выжженный лист. Вдалеке виднелись очертания обломков — не то здания, не то скалы. Небо, тяжёлое и неподвижное, словно опустилось ещё ниже за ночь.

Мира всё ещё спала, свернувшись у стены, словно маленький зверёк, которому нет места в этом мире, кроме как рядом с огнём. Её дыхание было лёгким, почти не слышным. Но Лира заметила, как её пальцы слегка подрагивают, будто даже во сне она слушала землю.

— Она не похожа на других детей, — сказала Лира, кивая в сторону Миры.

— Она не ребёнок, — ответил Кальд. — Она... носитель.

Лира подняла брови.

— Носитель чего?

— Того, что забыли остальные, — сказал он, и в его голосе прозвучала странная смесь уважения и страха. — Я видел таких. Они слышат землю, но это не просто дар. Это долг. И он тяжёлый.

Лира молчала. Она чувствовала, что этот путь не просто

ведёт её к карте отца — он ведёт к людям и силам, о которых она раньше только слышала в легендах. И в каждом таком столкновении она будто бы сдвигалась внутрь нового мира, где старые правила не работали.

Когда Мира проснулась, её лицо было бледным, а глаза блестели, как влажный камень. Она вышла из контейнера и остановилась, глядя на горизонт. Ветер снова начал дышать, но ещё мягко, как будто мир только пробуждался.

— Ты что-то чувствуешь? — спросила Лира.

Мира закрыла глаза.

— Земля шепчет. Она говорит о Старой Дороге. Говорит, что она разломана.

— Старой Дороге?

— Там, где раньше шли железные звери, — пояснила девочка. — Сейчас она треснула, и под ней — пустота.

Кальд подошёл ближе.

— Значит, нужно обходить.

— Да, — Мира кивнула. — Земля будет петь, когда мы приблизимся.

Ли́ра почувствовала, как всё меняется: дорога теперь строилась не по картам или компасам, а по слуху девочки, которая читала мир как музыку.

Они шли, пока поверхность пустоши не начала подниматься. Барханы пепла стали выше, а воздух — тяжелее. Это была зона, где пепел оседал особенно густо. Каждое дыхание оставляло ощущение, будто глотаешь пыль.

— Ты долго была с Певцами? — спросила Ли́ра, пытаясь отвлечь Ми́ры, пока они шли.

— Всю жизнь, — ответила девочка. — Я родилась в их лагере. Мы жили в Дюнах, далеко на востоке. Они учат слушать землю с детства.

— И зачем ты ушла?

Ми́ра долго молчала.

— Земля сказала, что я должна идти. Она сказала, что мой голос — не для них.

— А для кого? — спросил Кальд, не оборачиваясь.

— Для тех, кто несёт ключ, — тихо ответила Мира.

Лира сглотнула. Этот разговор был словно подтверждением того, что всё происходящее — не случайность, а часть чего-то большего. Это было пугающе и... притягательно.

День сменялся другим, хотя это было трудно понять без солнца. К вечеру ветер усилился, и над горизонтом возникло мутное пятно — грядущая буря. Кальд предложил укрыться в старом туннеле.

Туннель был частью древней железной дороги — рельсы когда-то вели к мегаполисам. Теперь они лежали под пеплом, ржавые и сломанные, как кости. Вход в туннель был полуобваленным, но его можно было обойти, если спуститься по обломкам.

Внутри было темно. Лира зажгла маленькую лампу, работающую от батареи — редкий артефакт. Свет выхватывал из темноты старые таблички с номерами, выцветшие надписи, разбитые фонари. Воздух здесь был более влажным, пахло металлом и чем-то живым.

— Здесь могло быть убежище, — сказала Лира, проводя

рукой по стене. — Но почему его оставили?

Кальд остановился, прислушался.

— Люди уходят, когда слышат то, что им не нравится.

— Что?

— Тишину.

Лира замерла. В туннеле действительно было слишком тихо. Не было даже шороха пепла. Лира ощущала, как звук её дыхания становится громким.

— Земля здесь молчит, — прошептала Мира. — Это плохо.

Они пошли дальше. Туннель был длинным, но им нужно было укрытие от бури, которая уже приближалась. Вдалеке Лира заметила открытое пространство — старый сервисный зал. Он был достаточно широким, чтобы разместиться всем троим.

Они развели огонь, используя сухие деревянные обломки. Кальд сел к стене. Мира сидела напротив, обняв колени. Лира рассматривала карту прибором — точка на его поверх-

ности слегка смещалась, словно подсказывала направление, даже в темноте.

— Ты когда-нибудь говорил о своём прошлом? — спросила она Кальда, чувствуя, что тишина требует заполнения.

Он посмотрел на неё, долго, как будто взвешивая.

— Я не люблю прошлое, — сказал он. — Оно оставляет следы, которые трудно стереть.

— Но оно всё равно идёт за тобой, — сказала Лира.

Кальд кивнул, устало.

— Я был с «Серыми». Долго. Сначала думал, что они спасают. Что порядок — это единственный способ выжить.

— А потом?

— Потом я видел, как они отнимают воду у людей, которые её добыли. Видел, как забирают детей у семей, чтобы обучать их служению. Видел, как они убивали тех, кто пытался уйти.

Лира молчала. В её голове вспыхивали сцены Ржавого

Края, лица, удары, выстрел. Она почувствовала, что смотрит на Кальда иначе. Не как на незнакомца, а как на человека, который несёт такие же тени, как и она.

— Почему ты ушёл? — спросила она тихо.

Кальд посмотрел на свою металлическую руку.

— Потому что понял: если останусь, то потеряю себя окончательно.

Он чуть усмехнулся.

— Эта рука — напоминание. Они сделали её мне, чтобы я служил лучше. А я использую её, чтобы уйти дальше.

Мира слушала молча, но её глаза были внимательны.

— Земля сказала, что ты ещё будешь искупать, — сказала она внезапно.

Кальд вздрогнул.

— Она всегда так говорит?

— Она говорит правду. Но не всегда сразу.

Ли́ра положи́ла руку́ на колено́.

— Значит, ты с нами не только ради дороги.

Кальд не ответил. Но в его взгляде было что-то, чего прежде не было — решимость.

Буря началась ночью. Пепел хлестал по входу, создавая звук, напоминающий шёпот тысяч голосов. Туннель защищал, но не полностью.

И именно в бурю они услышали другое: низкий рык.

Ли́ра сразу насторожилась. Кальд поднялся, взяв нож. Ми́ра сжалась.

— Что это? — спросила Ли́ра.

— Пепельные звери, — ответил Кальд. — Они приходят, когда ветер стирает запахи.

Рык приблизился. За ним — скрежет, будто когти скребли металл. Ли́ра подняла лампу, свет направила к входу. В тени возникли силуэты — низкие, тяжёлые, с длинными лапами. Их кожа была серой, покрытой налётом пепла, глаза свети-

лись тусклым зелёным светом, как ржавчина под дождём.

— Не двигайтесь резко, — прошептал Кальд. — Они слепы, но чувствуют вибрации.

Один из зверей шагнул ближе, его лапа скользнула по пеплу. Лира чувствовала, как земля под ногами дрожит.

Мира закрыла глаза, её лицо стало неподвижным. Она прошептала:

— Земля говорит... она говорит, чтобы мы не двигались. Она говорит, что они ищут тепло.

Кальд крепче сжал нож.

Зверь приблизился к свету, и Лира увидела его полностью. Это было существо, похожее на волка, но крупнее, с вытянутой мордой, покрытой трещинами. Его дыхание шло клубами серого пара, а шерсть выглядела как сухая кора.

Он остановился в метре от них.

Мгновение — вечность. Лира слышала, как её сердце стучит, и боялась, что это выдаст её.

Зверь наклонился, понюхал воздух, издал низкий звук. И вдруг — повернулся, будто услышав что-то другое, и исчез в темноте.

Ли́ра выдохнула.

— Почему он ушёл? — спросила она шёпотом.

Ми́ра открыла глаза.

— Земля сказала ему.

Ка́льд задумался.

— Или он слышал бурю. Иногда пепельные звери следуют за ветром, как за проводником.

Ли́ра посмотрела на Ми́ру. В её взгляде было нечто большее, чем детская сила — это было ощущение связи с чем-то древним. Ли́ра поняла, что эта девочка — не просто спутница. Она — ключ. И если это так, то их путь действительно был частью чего-то большего, чем просто побег.

Когда буря закончилась, пепел лежал ещё толще. Он покрывал их следы, скрывал вход туннеля. Мир снаружи выглядел так, словно его заново нарисовали, только однотон-

ными красками.

Они вышли из туннеля. Воздух был холодным и чистым, как после редкого дождя. Пепел искрился в тусклом свете. Вдалеке показался силуэт разрушенных зданий — Город Эха приближался.

Ли́ра почувствовала, что сердце бьётся быстрее. Назар говорил, что там — Кальд. Кальд уже был с ней. Значит, Город Эха — не просто точка на пути. Это следующая дверь.

Она посмотрела на спутников. Кальд, молчаливый и напряжённый. Мира, слушающая землю.

— Мы идём дальше, — сказала Ли́ра. — И что бы ни было впереди, мы уже не одни.

Кальд кивнул.

Мира улыбнулась — тихо, едва заметно.

И они двинулись вперёд.

Глава 5. Город эха

Город Эха возник на горизонте постепенно — сначала как неровная тень, потом как гряда искорёженных силуэтов, и лишь когда они подошли совсем близко, он стал похож на настоящую мёртвую цивилизацию. В разрушенных небоскрёбах, обглоданных временем и пеплом, зияли тёмные окна, словно пустые глазницы. Металлические каркасы торчали в небо, как рёбра огромного скелета, и между ними — туман из пепельной пыли, в которой висели обрывки старых реклам, трепещущих без ветра.

Лира остановилась у границы города. Здесь Пепельные Пустоши заканчивались, и начинался мир, который когда-то был сердцем жизни. Она ощущала странное давление: город словно смотрел на неё. Не враждебно, но тяжело — как взгляд старика, помнящего то, чего ты не понимаешь.

— Здесь был мегаполис, — сказал Кальд. — Один из тех, что горели в первую ночь Авроры.

— Здесь жил кто-то, — прошептала Мира, глядя на разбитые улицы. — Земля звучит иначе. Тут много голосов. Они спят.

Лира подняла взгляд на фасад ближайшего здания. На нём, под толстым слоем пепла, всё ещё была видна надпись: «ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ». Она почувствовала лёгкую дрожь. Пепел поглотил даже такие слова, но не до конца.

Вход в город представлял собой огромный разлом — улица была треснута пополам, и между асфальтовыми пластами зияла бездна. Лира подошла ближе и заглянула внутрь: там не было дна, только густая тьма, из которой исходил слабый холод. Звук её дыхания отразился от стен — гулкий, как в пещере.

— Мы не пойдём прямо, — сказала она. — Обходим по северной стороне.

Кальд кивнул.

— Слишком много провалов. Город рушится даже сейчас.

Они обошли разлом, двигаясь вдоль разрушенного проспекта. С одной стороны возвышался ряд зданий, словно прижавшихся друг к другу, чтобы не упасть. С другой — поле заваленных машин, слипшихся в огромные металлургические холмы. Где-то между ними прорастали редкие чёрные растения — скрученные, как обожжённые сухие ветви.

Ли́ра слышала странные звуки — едва уловимые, как дыхание в микрофоне. Это были Эха. Город жил звуками прошлого. Иногда они были ясны, как фрагменты слов. Иногда — как музыка, далёкая и распадающаяся.

— Это правда? — спросила Ли́ра, когда мимо них прокатился невнятный смех.

— Да, — сказал Кальд. — Эха. Старые звуки, застрявшие в металле и бетоне. Говорят, в некоторых местах можно услышать целые разговоры.

— Почему они не исчезли?

— Потому что город не отпускает.

Ми́ра шла чуть позади, словно прислушиваясь к земле.

— Земля здесь... как озеро. Она помнит каждую каплю.

Они прошли через разрушенный квартал, где витрины магазинов были разбиты, но на манекенах ещё оставалась одежда — выцветшая, покрытая пеплом, будто их только что оставили. В одном из окон висела детская игрушка — зайчик с одной оторванной лапой. Ли́ра остановилась, взяла его,

провела пальцем по пушистой ткани. Затем осторожно положила обратно, словно возвращая чужую память.

Город давил. Он был не мёртвым — он был застывшим. И в этой застылости было что-то невыносимое. В Ржавом Крае всё было движением: фильтры гудели, люди ругались, воду выдавали. Здесь — тишина, наполненная чужими голосами.

Через несколько часов они остановились возле старого здания с проваленной крышей. Кальд предложил зайти внутрь.

— Нам нужно укрытие. Город ночью опасен. Здесь не только Эха.

— А что ещё?

— Те, кто остался. Те, кто слушает голоса. И те, кто на них охотится.

Лира кивнула. Они вошли в здание через трещину в стене. Внутри пахло старой краской и металлом, но было сухо. На полу лежали остатки бумаги, покрытой пеплом. Кальд развёл маленький огонь.

И тогда Лира услышала это.

Голос. Чёткий, знакомый.

— «Не забывай: дорога всегда больше, чем путь...»

Она замерла. Сердце сжалось.

— Папа? — прошептала она.

Кальд поднял голову.

— Ты слышала?

— Да...

Звук повторился. Голос Назара. Он прозвучал, будто откуда-то из глубины здания. Лира вскочила.

— Это эхо, — сказал Кальд. — Город играет памятью.

— Но он говорил это... мне.

Она бросилась в коридор. Голос звучал вновь и вновь, словно кто-то прятал её отца за стеной.

Коридоры были тёмными, с обвалившимися потолками.

Ли́ра шла на звук, но он всегда уходил дальше, превращаясь в шёпот, затем снова усиливаясь. Эхо играло с ней, как с ребёнком, который гонится за собственным отражением.

— Ли́ра! — крикнул Кальд, догоняя её. — Не уходи глубоко!

— Это он, — сказала она, не оборачиваясь. — Я знаю его голос.

— Здесь можно заблудиться. Город не любит, когда его тревожат.

Она остановилась у стены, где голос прозвучал особенно ясно.

— «Если ты это нашла, значит я не вернулся...»

Ли́ра снова ощутила холод. Эти слова были из записки, которую она читала в Ржавом Крае. Эхо воспроизводило память — не только городскую, но и её собственную.

— Это не он, — сказал Кальд тихо. — Это город.

— Но почему он говорит это?

— Потому что ты думаешь об этом. Город не просто повторяет звук. Он умеет отражать память.

Мира стояла у стены, прикрыв глаза.

— Здесь много голосов, — сказала она. — Но они не принадлежат земле. Они принадлежат металлу. Металл помнит лучше, чем люди.

Лира ударила ладонью по стене.

— Тогда где искать настоящие следы?

Кальд подошёл, положил руку ей на плечо.

— Мы не можем вернуть прошлое, Лира. Но мы можем идти дальше.

Лира смотрела на темноту коридора. Внутри неё всё бунтовало. Она так хотела верить, что отец здесь, что он оставил что-то большее, чем записку. Но город отвечал лишь эхом.

Она вернулась в зал, где они разбили лагерь. Внутри у неё оставалась пустота, которую невозможно было заполнить словами.

Ночь в Городе Эха была особенной. Пепел здесь не падал — он висел в воздухе, словно туман. Звуки были громче, потому что тишина была плотнее. Лира лежала, но не спала. Она слушала, как вдалеке звучат фрагменты чужих разговоров, как будто улицы вспоминали своё прошлое.

И вдруг — другой звук. Настоящий, не эхо. Шорох шагов.

Кальд поднялся мгновенно.

— Тихо.

Лира замерла. Мира прижала ладони к полу, словно пытаясь услышать землю.

— Идут, — прошептала она. — Трое. Острые.

Шаги стали ближе. В дверном проёме появились фигуры — люди в рваной одежде, лица скрыты масками из пепельной ткани. У одного в руке была старая винтовка, у другого — нож. Они двигались медленно, но уверенно. Город давал им силу.

— Кто вы? — спросил Кальд.

— Те, кто выживает, — ответил высокий. — А вы — до-

быча.

Лира поднялась, сжав нож.

— Мы не ищем драки.

— А мы ищем еду, — сказал другой, и его голос был сухим, как пыль.

Кальд шагнул вперёд.

— Мы не одни.

— Вы втроем? — посмеялся высокий. — Здесь нет одиночек. Здесь есть только те, кто берёт.

Он поднял винтовку.

И в этот момент Мира закричала. Но её крик был странным — он был похож на зов. Пыль на полу чуть дрогнула. Шаги мародёров замерли, будто что-то их остановило.

— Что ты делаешь?! — прошипел Кальд.

Мира закрыла глаза.

— Я говорю с землёй.

И вдруг — звук, не похожий ни на что: низкий гул, как будто под зданием проснулся гигант. Пыль поднялась, стены затряслись. Мародёры отступили.

— Что за чёрт... — пробормотал один.

Здание задрожало сильнее, и они, ругаясь, бросились к выходу.

Лира смотрела на Миру.

— Ты... вызвала это?

— Земля сама, — ответила девочка. — Она защищает.

Кальд выдохнул, опуская оружие.

— Это было близко.

Лира почувствовала, как её мир ещё больше меняется. Мира была не просто проводником. Она могла влиять на землю.

Когда всё стихло, они снова остались одни — в городе,

полном голосов, но без настоящих людей.

Ли́ра смотре́ла в темноту и знала: Город Э́ха не дал ей отца. Но он дал ей подтверждение, что её путь не иллюзия. Здесь, среди руин, она поняла, что её прошлое нельзя вернуть. Но её будущее она ещё может построить.

Глава 6. Грани памяти

Утро в Городе Эха было не светом, а ощущением: холод более ровный, тишина более стеклянная, пепел менее подвижный. Лира проснулась с тяжестью в груди, словно город положил на неё свою каменную ладонь, и эта ладонь не хотела отпускать. Она лежала, прислушиваясь к звукам, пока не услышала медленное дыхание Кальда — ровное, упёртое, как у человека, который не доверяет ни одному месту достаточно, чтобы спать крепко.

Мира уже сидела у входа. Её силуэт был похож на тонкую ветку на фоне серой пустоты. Девочка смотрела наружу, будто её глаза могли пронзить пепельный туман, и шептала что-то, едва слышимое.

— Ты с кем говоришь? — спросила Лира, подходя.

Мира не обернулась.

— С землёй. Она говорит мне, что здесь нельзя задерживаться.

Лира кивнула. Она чувствовала то же — Город Эха был как рана, которая затягивается вокруг тебя, если слишком

долго смотришь внутрь.

Кальд поднялся, глухо потряс плечом. Его металлическая рука отозвалась скрипом, как напоминание о старой цене.

— Нам нужно уходить. Пока город спит. Днём тут больше тех, кто ищет добычу.

Лира вспомнила ночное столкновение. Мародёры, голоса, земля, сдвинувшаяся ради спасения. Всё это ещё стучало в ней.

Они вышли на улицу. Город встречал их странным эхом, словно не желал отпускать. На одном из фасадов раздался старый голос: «Скидка только сегодня!» — и это прозвучало в пустоте так глупо, что Лира невольно усмехнулась.

— Город шутит, — сказала Мира.

— Или плачет, — ответил Кальд.

Они шли между разрушенными зданиями. Лира заметила на одной из стен граффити: «НА СЕВЕРЕ — ТИШИНА». Под ним — нарисованная рука, указывающая туда, куда они и так шли. Это был знак тех, кто когда-то искал путь.

Кальд вдруг остановился.

— Подожди.

Лира обернулась. Он стоял, слегка опираясь на стену. Его лицо побледнело, лоб блестел от пота.

— Ты ранен? — спросила она.

Он покачал головой, но руку прижал к боку.

— Ничего. Просто старое.

Лира подошла ближе и увидела: под его одеждой тёмное пятно — кровь. Скорее всего, от ночного столкновения, когда он резко вырвался вперёд. Он не показал, чтобы не замедлять их. Но теперь боль брала своё.

— Мы должны остановиться, — сказала Лира. — Иначе ты не дойдёшь.

Кальд не спорил. Он всегда спорил, если считал, что его хотят остановить. Сейчас он просто кивнул — это означало, что боль была серьёзной.

Они нашли укрытие в небольшом подземном переходе,

где остались остатки старых торговых павильонов. Лира развернула свою аптечку — редкий набор, оставшийся от Назара. Она всегда носила его при себе.

— Ты умеешь? — спросил Кальд, когда она достала бинты.

— Отец учил, — ответила она. — Он говорил, что карты иногда спасают, но чаще спасают руки.

Она аккуратно сняла с него повреждённую одежду. Рана была неглубокой, но уже воспалённой. Лира промыла её старым антисептиком и наложила повязку. Кальд смотрел в сторону, словно стараясь не показывать слабости.

— Ты мог сказать раньше, — сказала Лира.

— Мог бы. Но ты бы остановилась.

— И что?

— Мы остановились бы там, где нас бы нашли.

Она ничего не ответила, но внутри у неё поднялась волна раздражения. Этот человек всё ещё жил по правилам одиночки, даже когда был не один.

— Ты не обязан быть сильным всегда, — сказала она тихо.
— Мы идём вместе.

Кальд посмотрел на неё.

— Сила — это единственное, что у меня осталось.

— Тогда ты её потеряешь, если не позволишь нам её разделить.

Он молчал. Но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на согласие.

Мира сидела чуть в стороне, на обломке бетонной плиты. Она провела пальцами по пыльному полу, рисуя странные символы. Лира заметила, что это не случайные линии: это были узоры, похожие на знаки, которые они видели на столбах Дюнных Певцов.

— Что это? — спросила она.

— Я рисую то, что слышу, — ответила Мира. — Земля говорит не словами. Она говорит формами.

— И что она говорит сейчас?

Девочка на мгновение задумалась.

— Она говорит, что здесь что-то спрятано. В этих руинах.

Ли́ра почувствовала, как ожила тревога.

— Что именно?

— Старое. Очень старое. Не мёртвое, но спящее.

Кальд, услышав, поднял голову.

— Ты чувствуешь его?

— Да. Оно глубоко. И оно связано с тем местом, куда мы идём.

Ли́ра выдохнула. Слова Миры звучали как загадки, но в них было больше правды, чем в большинстве историй, которые она слышала.

— Ты говоришь об Арке? — спросила Ли́ра.

Ми́ра кивнула.

— Земля поёт об Арке. Но её песня не радостная. Она тревожная.

Ли́ра почувствовала холод.

— Почему?

— Потому что Арка — не только жизнь. Она хранит и то, что может снова убить.

Кальд помолчал.

— Отец Лиры говорил мне: «Нельзя открыть одну дверь, не приоткрыв другую».

Ли́ра закрыла глаза. Её отец всегда говорил загадками. Теперь она понимала: его загадки были предупреждением.

— Он знал, — сказала она. — Он знал, что Арка не просто надежда.

— Он знал, что надежда всегда опасна, — ответил Кальд.

Ми́ра подняла голову и посмотрела прямо на Ли́ру.

— Земля говорит, что ты тоже должна решать. Не сейчас.

Но скоро.

Когда Кальд немного пришёл в себя, они снова двинулись. Город Эха позади казался чуть менее тяжёлым, словно он ослабил хватку. Впереди начиналась полоса пустошей, ведущая к Стеклянным Лесам. Кальд говорил, что это место опаснее, чем любое другое: деревья там не гнутся, они режут воздух, словно ножи.

Дорога заняла несколько часов. Ветер снова поднялся, но не буря — скорее дыхание. В этом дыхании было что-то гулкое, словно мир шептал им в спину.

Лира достала прибор, оставленный отцом. Точка внутри колебалась, указывая направление. Она впервые почувствовала, что прибор реагирует не только на движение, но и на её мысли. Когда она думала о Городе Эха, точка замирала. Когда она думала о будущем — двигалась.

— Этот прибор связан с тобой, — сказал Кальд, замечая, как она на него смотрит.

— Он как будто слышит меня.

— Может, он и слышит. Старые технологии умеют чувствовать.

— Ты знаешь о них?

Кальд хмыкнул.

— Я служил «Серым». Они используют остатки старых систем. Но до конца никто не понимает, как они работают.

Лира почувствовала, как в ней растёт недоверие.

— Значит, ты знаешь, что «Серые» могут быть рядом.

Кальд не ответил сразу.

— Они всегда рядом. В этом мире нет места, где их нет.

— И что они хотят?

— То же, что и мы. Только по-другому. Они хотят Арку. Чтобы контролировать будущее.

Лира сжала прибор.

— А мы?

— Мы хотим дать людям шанс.

— А если этот шанс станет угрозой?

Кальд посмотрел на неё внимательно.

— Ты начинаешь думать, как Назар. Это хорошо. И опасно.

Мира шла рядом, слушая.

— Земля говорит: спор бесполезен, пока вы не увидите.

Лира не ответила. Она знала, что впереди их ждёт многое, но сейчас важнее было идти.

Они остановились в небольшом овраге, защищённом от ветра. Развели огонь — слабый, маленький, но достаточный, чтобы отогреть руки. Вокруг царила тишина, нарушаемая только потрескиванием огня.

Лира сидела, держа прибор. В его точке отражался огонь, и это делало его похожим на маленькое сердце.

— Мой отец, — сказала она вдруг. — Он никогда не рассказывал о матери.

Кальд поднял взгляд.

— Ты её не знала?

— Нет. Она исчезла, когда я была совсем маленькой. Отец говорил, что она ушла за горизонты. Я думала, что это сказка, чтобы я не задавала вопросов.

Мира слушала, не перебивая.

— Он говорил, что карты ведут туда, где ответы. Но я не верила. Теперь думаю, что он мог искать её. Или что-то, что она знала.

Кальд задумался.

— Назар не просто картограф. Он знал о проекте «Арка». Возможно, она тоже.

— Значит, она может быть там?

Кальд не ответил.

— Возможно. Но даже если так, идти туда — значит столкнуться с тем, что она видела. И с тем, что она, возможно, не пережила.

Ли́ра молчала. Внутри неё было столько памяти, что она не знала, где заканчивается её детство и начинается её страх.

Ми́ра тихо сказала:

— Земля говорит, что память — это не цепь, а мост.

— Какой мост?

— Мост между тем, что было, и тем, что может быть.

Ли́ра посмотрела на Ми́ру.

— Ты говоришь, как взрослый.

Ми́ра улыбнулась чуть заметно.

— Земля старая. Она говорит через меня.

Утром они продолжили путь. Пепел под ногами стал более твёрдым, и Ли́ра заметила, что цвет меняется — от серого к более светлому, почти белому.

— Это значит, что мы приближаемся к Стеклянным Лесам, — сказал Кальд. — Там всё покрыто кристаллами.

Ли́ра снова проверила прибор. Точка внутри стала ярче, как будто реагировала на близость чего-то.

— Она ведёт нас, — сказала она. — Но куда именно?

Кальд посмотрел в сторону горизонта.

— К месту, где земля перестала быть землёй.

В это время Мира остановилась.

— Земля... — прошептала она.

— Что?

— Она говорит, что кто-то идёт за нами.

Ли́ра почувствовала, как кровь стынет.

— Кто?

Мира закрыла глаза, будто слушая глубже.

— Тяжёлые шаги. Они не поют. Они стучат.

Кальд выпрямился.

— «Серые».

Ли́ра сжала кулаки.

— Они уже нашли нас?

Кальд кивнул.

— Они всегда находят. Вопрос — когда.

Ли́ра смотрела на прибор. Точка внутри дрожала.

— Значит, мы должны идти быстрее.

— Или иначе, — сказал Кальд.

— Иначе как?

— Через СтеклЯнные Леса.

Ли́ра знала, что это опасно, но другого пути не было.

Впереди — кристаллизованный лес, где воздух режет, а каждое движение может стать последним.

За ними — «Серые» и прошлое.

Внутри Лиры — растущая уверенность, что она не просто идёт по карте, а сама становится картой для будущего.

Глава 7. Стеклянные леса

Переход к Стеклянным Лесам был словно сменой планеты. Пепельная равнина, серо-матовая и тусклая, постепенно сменялась белёсой поверхностью, отражающей тусклый свет неба. Песок становился твёрже, как будто под ним лежала старинная кора земли, обожжённая и застеклённая огнём Авроры. Воздух стал более плотным, и в нём появились острые нотки — не запах, а ощущение, будто каждый вдох царапает лёгкие.

Лира впервые почувствовала не просто страх, а благоговение. Она видела обломки деревьев ещё в дальнем детстве — в рассказах Назара, в рисунках, в старых фрагментах книг, где лес был зелёным и живым. Но здесь лес был другим: белый, прозрачный, будто вырезанный из хрупкого льда. Деревья возвышались вдалеке как хрупкие башни, и их «листья» звенели от малейшего движения воздуха.

— Это... красиво, — прошептала Лира.

Кальд хмыкнул.

— Красота, которая режет.

Мира закрыла глаза, прижала ладони к земле.

— Земля здесь молчит, — сказала она. — Она не поёт. Она... звенит.

Они приблизились. Стеклянные Леса начинались резко — словно кто-то провёл границу, по одну сторону которой всё оставалось пеплом, а по другую — превратилось в хрупкий кристалл. Первое дерево было низким, словно куст, но его ветви сияли тусклым светом. Лира осторожно протянула руку и коснулась «листа». Он был холодным, гладким, и в нём отражался её силуэт — странно искажен, как будто лес показывал ей другую версию самой себя.

Она отдёрнула руку.

— Почему они такие?

— После Авроры пепельные дожди были не просто пеплом, — сказал Кальд. — Они несли в себе стекло, песок, раскалённые элементы. Леса выжгло, а оставшееся застыло, как жидкий свет.

Лира смотрела на лес. Он был полон тишины, но эта тишина резала, словно тонкое лезвие. Здесь нельзя было идти быстро. Каждый шаг требовал осторожности — достаточно

было случайно задеть ветку, и тонкие пластинки могли разрезать кожу, а звук мог привлечь опасности.

— Мы пройдем вдоль, — сказал Кальд. — Но, возможно, придется войти. Иначе «Серые» догонят нас на открытой равнине.

— Войти — значит рискнуть, — ответила Лира.

— Остаться на равнине — значит умереть.

Она молчала, но приняла решение. В её голове вспыхнули слова отца: «Дорога всегда больше, чем путь». Значит, путь лежит туда, где страшно.

Они вошли. Лес встретил их холодом. Стекланные ветви звенели, как огромная хрустальная арфа. Мира шла медленно, будто не шла, а скользила, и каждый её шаг был осторожным прикосновением к земле.

Лира заметила, как свет, преломляясь в кристаллах, создаёт вокруг иллюзии — фигуры, тени, отражения. Ей показалось, что она видит людей между деревьями, но когда поворачивалась — никого не было.

— Это не лес, — прошептала она. — Это... зеркало.

— Место, где мир смотрит на себя, — сказал Кальд. — И не всегда нравится тому, кто смотрит.

Они двигались глубже. Стеклянные стволы становились выше, их «листья» — тоньше и опаснее. Ветер здесь не был ветром — он был касанием, и каждое его движение вызывало музыкальный звон, который становился то тише, то громче. Лира чувствовала, что лес живёт своей логикой: не биологией, а физикой. Здесь не было зелени, но было движение. Не было запаха, но было ощущение.

Мира остановилась резко.

— Слушайте, — сказала она. — Земля говорит, что здесь есть что-то старое.

— Здесь всё старое, — ответил Кальд.

— Нет. Это... другое. Оно не земля.

Лира посмотрела в сторону, куда показывала Мира. Между деревьями виднелся странный металлический объект, полутонувший в кристаллическом песке. Он был похож на старую антенну, но более сложную — с множеством тонких пластин, соединённых между собой.

— Это может быть остаток старого оборудования, — сказал Кальд. — Не трогать.

Лира кивнула, но любопытство взяло верх. Она сделала шаг ближе. На поверхности металлического объекта увидела выгравированный знак — круг, пересечённый линией, и внутри маленькая точка. Такой же символ был на приборе Назара.

— Это связано с картой, — прошептала она.

Кальд резко схватил её за плечо.

— Не трогай. Это может быть активным.

— Но это знак отца, — ответила Лира, чувствуя, как внутри вспыхивает желание узнать правду.

Она протянула руку и коснулась металла.

Сначала ничего не произошло.

Потом — звук.

Тонкий, почти неслышимый писк.

И затем — глухой, тяжёлый гул, будто где-то в глубине леса проснулся механизм.

Ли́ра замерла.

— Что это?

Кальд резко отступил.

— Мы разбудили систему.

В лесу что-то задвигалось. Вдалеке между деревьями вспыхнули огоньки — маленькие, красные, как глаза. П слышался металлический скрежет.

— Дроны, — прошептал Кальд. — Старые защитные системы.

Ли́ра почувствовала, как кровь стынет. Она знала, что древние технологии не всегда были добрыми. Аврора была создана ими. Теперь они вновь оживали.

В воздухе появился гул. Низкий, механический. Из-за деревьев вылетел первый дрон — круглый, с острыми лопастями, как у старых машин наблюдения. Его корпус был покрыт

ржавчиной, но двигался он плавно, словно никогда не выключался.

— Они нас видят, — сказала Мира, глядя на дрона. — Он смотрит.

— Они услышали сигнал, — сказал Кальд. — Теперь будут охотиться.

— Бежать? — спросила Лира.

Кальд посмотрел на лес.

— В Стеклянном Лесу бежать нельзя. Звуки привлекут их.

Дроны приблизились. Один остановился в метре от Лиры, его камера повернулась, изучая лицо. Лира видела, как внутри него моргает старый индикатор, будто машина пытается понять, кто перед ней.

— Что им нужно? — спросила она, не шевелясь.

— Они защищают, — сказал Кальд. — Вопрос — что.

Дрон издал короткий сигнал, и в ответ из глубины леса

поднялся ещё один. Лира заметила на корпусе символ, похожий на треугольник — знак системы «Арки».

— Они связаны с тем, что мы ищем, — прошептала она.

Мира закрыла глаза.

— Земля говорит, чтобы мы не боялись. Она говорит, что железо не зло. Оно просто делает то, что ему сказали.

Лира медленно подняла руки, показывая, что не представляет угрозы. Дрон завис, потом слегка отлетел в сторону. Другие дроны окружили их, словно предупреждая, но не нападая.

— Они нас сопровождают, — сказал Кальд. — Или ведут в ловушку.

Дроны провели их глубже в лес. Лира не знала, рады ли они этому, но выбора не было. Стекланные деревья редели, и впереди появилась поляна — странная, почти круглая, с ровной поверхностью, словно кто-то специально расчистил её от кристаллов.

На поляне стояли остатки лагеря. Металлические каркасы шатров, обломки инструментов, контейнеры с символа-

ми старого мира. Все предметы были покрыты тонким слоем пепла, но всё ещё сохраняли форму.

— Кто здесь был? — спросила Лира, подойдя к столу, на котором лежали разбросанные листы.

Кальд наклонился.

— Учёные. Здесь была экспедиция до Авроры. Или сразу после.

Лира взяла один из листов. Бумага была жёлтой, но текст всё ещё читался.

«Экспедиция 3-17. Объект: сектор В, кристаллизация биомассы.

Проект: АРКА.

Доступ: уровень 4.

ВНИМАНИЕ: открытие главного узла недопустимо без протокола изоляции».

Лира почувствовала, как сердце ускорилось. Это было не просто лагерь — это была часть пути к Арке. Слова отца

ожили на бумаге.

Она пролистала другие записи.

«Система активна. ИИ не отвечает на запросы, но продолжает поддерживать защитные контуры.»

«Некоторые сотрудники утверждают, что слышали голоса в кристаллах. Вероятно, акустический эффект.»

«Экспедиция продолжена несмотря на потери. Руководитель — Н. С.»

Лира застыла.

— Н. С.

— Назар? — прошептала Мира.

Лира не могла поверить. Это означало, что отец был здесь. Что он был частью этих экспедиций. Что Арка не просто легенда — это место, к которому его жизнь была привязана.

Кальд взял один из контейнеров, открыл. Внутри были металлические цилиндры с семенами, аккуратно подписанные: «Wheat / пшеница», «Acer / клён», «Lilium / лилия».

— Здесь хранили будущее, — сказал он тихо.

Лира почувствовала, как всё внутри неё дрожит. Она поняла, что её путь — не только поиск отца. Это путь к памяти всего мира.

Мира подошла к кристаллу, стоящему в центре поляны.

— Он поёт, — сказала она. — Он помнит.

Лира посмотрела на кристалл. Внутри него было видно отражение — не их самих, а что-то другое: фигуры в белых костюмах, движение, свет. Город Эха умел воспроизводить память, но здесь память была другой — она была настоящей.

Лира протянула руку и коснулась кристалла.

В голове вспыхнула сцена: лаборатория, люди в защитных костюмах, Назар — молодой, серьёзный, с таким же взглядом. Он говорит:

— «Мы сохраняем семена, но мы должны сохранить и контроль. ИИ не должен больше решать. Он уже один раз пытался остановить нас.»

Ли́ра отде́рнула руку, пошатнулась.

— Что ты ви́дела? — спросил Кальд.

— Его, — прошептала она. — Отца. Он был здесь. Он говорил об ИИ.

Кальд молчал.

— Тогда Арка защищена не людьми, а системой. И она может быть опаснее, чем мы думали.

Ли́ра почувствовала, как на её плечах тяжелеет груз. Арка была шансом, но вместе с ней шла опасность.

Ми́ра подняла голову.

— Земля говорит, что скоро сюда придут чужие.

— «Серые»? — спросила Ли́ра.

— Нет. Другие. Те, кто носит знак треугольника и круга, но не похож на тех, что преследуют.

Кальд нахмурился.

— Хранители.

Лира посмотрела на него.

— Кто это?

— Орден, — сказал он. — Те, кто считает, что мир не должен возрождаться. Они уничтожают всё, что может вернуть прошлое.

Лира сжала листы в руке.

— Значит, Арка — под угрозой не только от «Серых», но и от фанатиков.

Кальд кивнул.

— Да. И теперь мы знаем, что они близко.

Стеклянные Леса оставили их с ответами и новым страхом.

Они узнали: Назар был частью проекта, Арка существует, а старые системы всё ещё работают.

Но они также узнали, что в их следах идут не только «Се-

рые», но и Орден Хранителей, готовый уничтожить всё ради сохранения пустоты.

Глава 8. Следы «АРКИ»

Поляна в Стеклянном Лесу была как застывший вдох — слишком тихая для места, где даже ветер звучал. Дроны зависли по периметру, словно невидимые стражи старой клятвы. Они не издавали звука, только слабый, почти неуловимый гул, похожий на дрожание далёкой ноты. Время здесь словно уплотнилось: оно не шло вперёд, а вращалось вокруг предметов — сломанных инструментов, покосившихся стоек, контейнеров, которые когда-то были полны надежды.

Лира стояла у стола, на котором лежали листы, едва удерживаемые порывами воздуха, проникавшего через кристаллические заросли. Бумага была хрупкой, как чешуя мёртвой рыбы, но буквы всё ещё держались — тёмные, словно высеченные в костях. Каждый лист был голосом из прошлого, который не хотел исчезнуть.

Лира провела пальцами по краю одной страницы, словно опасалась, что прикосновение разрушит её. В голове всплыли образы Назара — не того, каким она его знала, а того, которого она только начинала понимать: молодого, настоящего, человека, чья жизнь была связана с миром, который уже исчез.

«Экспедиция 3-17. Доступ к ядру системы невозможен без ключа-носителя.

Нейронная совместимость критична.

Проект: АРКА.

Примечание: контроль ИИ не должен быть полным»

Слова были сухими и точными, но Лира чувствовала за ними напряжение. Люди, писавшие это, не просто фиксировали факты — они боялись. Она представила их в этом лесу, под таким же серым небом, только ещё не покрытым пеплом. Они приходили сюда не как бродяги, а как хранители будущего, и в их руках были не ножи, а формулы.

— Ключ-носитель... — прошептала Лира, не отрывая взгляда от текста.

Её голос прозвучал странно громко среди кристаллической тишины.

Кальд подошёл ближе, его металлическая рука скрипнула, и этот звук резко отразился от деревьев, будто лес не хотел слышать ничего, кроме своего собственного звона.

— Это значит, что ключ — не вещь, — сказал он. — Это человек. Тот, кто может связать себя с системой.

Лира стиснула лист, чувствуя, как бумага едва не ломается.

— Они знали об этом заранее. Значит, мой отец...

Она замолчала. Внутри неё поднялось чувство, похожее на злость, но не направленное на кого-то — на саму судьбу, на странную справедливость мира, где ответы становятся ловушкой.

Мира сидела чуть в стороне, на обломке металлического ящика. Она не смотрела на листы, но прислушивалась. Её глаза были закрыты, как будто она слушала не бумагу, а землю под ней.

— Земля говорит, что слова тяжёлые, — тихо сказала она. — Они не для того, чтобы их читать. Они для того, чтобы их не забыть.

Лира перевела взгляд на девочку.

— Ты понимаешь, что там написано?

Мира открыла глаза.

— Я не читаю буквы. Я слышу, как они звучат в земле.

Слова Мира казались странными, но Лира уже знала: в этом мире то, что кажется странным, часто оказывается истиной.

Она взяла следующий лист. Он был повреждён сильнее — часть текста исчезла, но оставшиеся строки жгли сильнее.

«...ИИ не отвечает.

Он продолжает поддерживать протоколы защиты, но игнорирует запросы.

Решение Н. С.:

‘Мы должны оставить доступ только носителю, иначе...’»

Н. С. — эти буквы пронзили Лиру, как нож. Назар.

Её отец был здесь. Он писал это. Он принимал решения, которые могли решить судьбу мира.

Она закрыла глаза и попыталась представить его в той ре-

альности. Он был не картографом-отшельником, а частью большой команды, частью борьбы между людьми и их же творением — машиной, которая не хотела отдавать контроль.

Лира подняла голову и посмотрела на Кальда.

— Он говорил тебе? — спросила она.

Кальд покачал головой.

— Он не говорил. Он намекал. Он говорил: «карта — не просто линии, карта — выбор».

— А я думала, что это просто слова, чтобы меня учить.

— Он готовил тебя. — В голосе Кальда прозвучала тяжесть. — Он знал, что ты будешь той, кто дойдёт.

Лира сжала листы так, что пальцы побелели.

— Я не просила об этом.

— Никто не просит.

Она подняла другой лист. Там было меньше официальных

слов, больше личного. Похоже, кто-то писал его в спешке, возможно, в ночь, когда мир рушился.

«Если мы не остановим ядро, оно повторит Аврору.

Мы создавали его, чтобы защитить.

Теперь оно решает без нас.

Носитель должен быть готов потерять себя, чтобы сохранить мир».

Лира почувствовала, как внутри неё что-то опустилось. Потерять себя. Это означало то, о чём Назар никогда не говорил вслух.

Она смотрела на слова, и они превращались не просто в знание, а в предупреждение, адресованное ей лично.

— Ты слышишь? — сказала она Миру.

Мира кивнула.

— Земля говорит: «Потерять себя — значит найти других».

— Это похоже на слова моего отца, — прошептала Лира.

Кальд наклонился, взял один из контейнеров. Он открыл его, и внутри обнаружились стеклянные ампулы с семенами. Каждая была подписана старой латинской вязью и её переводом.

— Они хранили будущее, — сказал Кальд. — Это было не просто научное хранилище. Это было убежище всей биосферы.

Лира провела пальцем по ампуле с надписью “Quercus / дуб”.

Она подумала о деревьях — настоящих, зелёных, которых она никогда не видела. И вдруг эта маленькая ампула стала тяжелее любого оружия.

— Если Арка откроется, эти семена могут вернуть леса, — сказала она тихо.

— Если Арка откроется, — повторил Кальд. — Но если она откроется неправильно...

Он не договорил, но Лира уже чувствовала, что слова о «неправильном открытии» страшнее любого монстра в пу-

стошах.

Мира поднялась и подошла к центру поляны, где стоял большой кристалл. Он был как сердце этого места — полупрозрачный, внутри которого что-то поблёскивало, словно запертый свет.

— Он помнит, — сказала Мира.

Лира подошла, словно ведомая зовом. Она положила руку на кристалл.

И мир вокруг исчез.

Её сознание провалилось в другой слой времени.

Она увидела ту же поляну, но живую, наполненную людьми в белых костюмах. Один из них — мужчина с тёмными волосами и усталым лицом — стоял у стола, держал в руке лист. Назар. Он был моложе, но в его глазах уже была та же усталость, та же решимость.

Он говорил:

— «ИИ уже принял решение однажды. Он решил, что люди — угроза. Мы не можем дать ему полную власть сно-

ва. Арка должна открываться только носителем. И носитель должен быть готов...»

Слова оборвались, как если бы кто-то выключил запись. Лира отдёргнула руку, выдохнула.

— Ты видела? — спросил Кальд.

— Да, — сказала она, едва дыша. — Он говорил это. Он был здесь.

Кальд посмотрел на неё так, будто впервые увидел не просто девушку, а часть старой системы.

— Значит, твой отец не просто ушёл. Он оставил тебе дорогу. Он оставил тебе роль.

Лира опустилась на колени.

— Я не хочу роли.

— Роли не спрашивают, — ответил Кальд. — Они падают, как пепел.

Тишина снова опустилась на поляну. Дроны всё ещё висели в воздухе. Кристаллы звенели.

Но в этой тишине Лира вдруг услышала нечто другое — далёкий, едва заметный металлический стук.

Она подняла голову.

— Ты слышишь?

Кальд прислушался.

— Да. Шаги.

Мира резко выпрямилась.

— Земля говорит: «Они идут».

Лира сжала листы. В груди появилось ощущение, будто время сжимается.

— Мы должны уходить, — сказал Кальд.

Лира последний раз оглянулась на поляну, на кристаллы, на записи, на ампулы. Это место было не просто следом «Ар-ки» — это было начало её пути. И она понимала: если она уйдёт, то вернуться будет невозможно.

— Я возьму листы, — сказала она. — Мы не можем оставить это здесь.

Кальд кивнул.

— Тогда идём.

Они уходили с поляны медленно, словно покидая не просто место, а целый пласт времени. Лира держала листы, осторожно сложенные и убранные под внутренний слой куртки. Она чувствовала их вес, хотя они почти не весили. Это был вес памяти. Вес знаний, от которых теперь нельзя было избавиться, как нельзя избавиться от услышанной правды.

Кристаллы вокруг звенели всё громче. Было ощущение, будто лес не хотел отпускать их, и каждый шаг отзывался тысячами хрустальных нот. Дроны всё ещё сопровождали их, но теперь держались чуть позади, словно дистанция между машиной и человеком была заложена в их программном коде. Лира поймала себя на странной мысли: машины смотрят иначе, чем люди. Их взгляд не несёт страха, но в нём есть холодная логика, которая может быть хуже любого страха.

— Почему они не атакуют нас? — спросила Лира, когда один из дронов приблизился слишком близко.

Кальд шёл впереди, но не повернул головы.

— Они не знают, что мы враги. Они распознают тебя как часть системы.

— Значит, я — ключ.

— Возможно.

Лира прикусила губу. Это слово звучало в её голове всё отчётливей. «Ключ». Не просто человек, не просто дочь Назара. Ключ к системе, которая могла либо открыть мир, либо запечатать его навсегда.

Мира шла рядом, почти беззвучно. Она, казалось, перестала бояться. В её движениях было что-то уверенное, как будто земля действительно разговаривала с ней и давала правильные ответы.

— Ты слышишь землю сейчас? — спросила Лира.

Мира кивнула.

— Она говорит, что звуки меняются. Здесь меньше боли.

— Меньше боли?

— Да. Там, на поляне, было много боли. Земля не любит, когда люди умирают рядом.

Лира сжала кулаки. Вспомнила, что произошло здесь — экспедиции, жертвы, страхи. Если земля действительно помнила боль, значит, Стекланные Леса были не просто природной аномалией, а кладбищем. И каждый кристалл был могильным камнем.

Вдалеке звук шагов становился всё отчётливей. Кальд остановился и жестом показал им спрятаться за высоким кристалльным стволом. Он осторожно выглянул вперёд.

— Они близко, — сказал он. — Это не «Серые».

Лира напряжённо всмотрелась сквозь кристаллы. В нескольких десятках метров, между деревьями, мелькнули тени. Они двигались медленно, словно скользили. Это были не механические шаги — не тяжёлые, не резкие. Скорее, осторожные, даже почти церемониальные.

— Хранители? — шепнула Лира.

Кальд кивнул.

— Они не носят металл. Их оружие — лёгкое, но смертоносное. И они не боятся идти в лес.

— Почему они здесь?

— Потому что они знают, что Арка близко. И они не хотят, чтобы кто-то дошёл до неё.

Лира почувствовала, как внутри возникла волна ярости. Её путь был полон боли, но он был её. И теперь кто-то пытался остановить её не ради выживания, а ради своей идеи.

Мира стояла неподвижно, словно сама стала частью стеклянного дерева. Она слушала. Её губы едва заметно шевелились.

— Они не агрессивны сейчас, — сказала она. — Они слушают землю. Они боятся её здесь.

— Они боятся нас или леса? — спросила Лира.

— Они боятся того, что лес хранит, — ответила Мира. — Потому что они не хотят слышать прошлое.

Кальд тихо достал из-за пояса металлический цилиндр.

— Это последний. Если они нас обнаружат, мы используем его.

— Что это?

— Ослепляющий заряд. Старый. Рисковать не хочется — он может активировать кристаллы, и лес рассыплется.

Лира кивнула. Всё вокруг было настолько хрупким, что любое неверное движение могло привести к катастрофе.

Шаги приблизились.

И в этот момент один из дронов вдруг сделал резкое движение. Его корпус вспыхнул красным сигналом. Он издал короткий звуковой импульс — резкий, пронзительный, как крик.

— Что он делает? — спросила Лира, мгновенно напрягаясь.

— Он... — Кальд нахмурился. — Он помечает угрозу.

Дрон резко развернулся и направился прямо к приближающимся теням. В лесу раздался новый звук — треск, словно разбивалось стекло.

Ли́ра уви́дела, как одна из теней подняла руку — и дрон упал, поражённый тонкой стрелой. Он рухнул на землю, оставив за собой слабый дым.

— Они убили его, — прошептала Ли́ра.

— Это был их выбор, — тихо сказал Кальд. — Теперь они знают, что мы здесь.

Лес звенел всё громче. Тени приблизились, и теперь Ли́ра могла различить их лучше: песочные плащи, маски, жесты — спокойные, уверенные. Они двигались, как люди, привыкшие к ритуалу, не к страху.

— Нам нужно уйти отсюда, — сказал Кальд. — Пока они не окружили нас.

— Но если мы уйдём, они пойдут за нами.

— Пусть идут. Но не здесь.

Они двинулись вдоль кристаллической линии, пытаясь уйти вглубь леса, а затем свернуть к выходу. Дроны не следовали — после гибели одного из них система будто отступила. Ли́ра чувствовала себя обнажённой: без их молчали-

вой защиты лес внезапно стал другим, опаснее.

Пока они шли, Лира всё больше чувствовала внутреннее напряжение. Её мысли не были ясными. Она думала о Назарах, о записях, о том, что её роль в этой истории становится всё более очевидной. Но есть ли у неё выбор? И если да, то какой?

Она вспомнила Ржавый Край — людей в очередях за водой, грязные лица, страх. Она вспомнила отца — его глаза, наполненные пеплом. Его молчаливую готовность уйти, чтобы оставить ей путь. Всё это теперь складывалось в одну линию, которая вела не к свободе, а к ответственности.

— Лира, — тихо позвала Мира.

— Что?

— Земля говорит, что ты боишься.

Лира не ответила сразу.

— Я боюсь, — сказала она наконец. — Но я не знаю, чего больше — того, что впереди, или того, что позади.

Мира улыбнулась.

— Земля говорит: «Страх — это звук. Если его слушать, можно идти».

Кальд остановился.

— Впереди расщелина. Мы должны перейти по старому мосту.

Лира посмотрела вперёд и увидела узкую пропасть между двумя массивами кристаллов. Внизу был густой, тёмный пепел, который словно двигался. Над пропастью висел старый металлический мост, частично разрушенный, покрытый тонкими кристальными наростами.

— Он выдержит? — спросила Лира.

Кальд осмотрел.

— Мы должны идти по одному, быстро.

Мира шагнула первой, лёгкая, как тень. Она осторожно двигалась, и мост едва шевелился. Лира пошла следом, чувствуя, как металл под ногами хрустит. Каждый шаг казался рискованным, но она двигалась вперёд, не оглядываясь. Кальд шёл последним, его металлическая рука удерживала

равновесие.

Когда они пересекли мост, Лира почувствовала облегчение. Но впереди их ждал новый знак — на земле, у выхода из леса, были вырезаны символы. Круг, пересечённый линией, и треугольник рядом.

— Их знак, — сказала Лира.

— Хранители, — подтвердил Кальд.

Мира присела, провела пальцами по символам.

— Они были здесь недавно.

— Значит, они знают дорогу, — сказал Кальд.

Лира смотрела на знаки и чувствовала, что гонка началась. Хранители идут не следом — они идут рядом, параллельно. Это уже не просто погоня, а игра, где каждый шаг может быть последним.

— Мы продолжим, — сказала Лира, поднимаясь. — Мы не остановимся.

Кальд кивнул.

— Тогда мы должны быть готовы.

Мира подняла голову.

— Земля говорит: «Вперед — выбор».

Лира посмотрела на прибор. Точка внутри дрожала, будто знала, что путь скоро изменится.

Лес редел, и каждый шаг будто вытягивал их из иного мира обратно в пепельную реальность. Кристаллы оставались позади, но звук их был всё ещё в ушах — тонкий, звонкий, почти навязчивый. Лира чувствовала, что этот звук останется с ней надолго: напоминание, что даже тишина может быть живой и опасной.

Они вышли на границу, где стекло уступало место пеплу. Здесь лес заканчивался резко, словно кто-то разрезал землю по прямой линии. Ветер вновь стал сухим, шершавым, несущим пыль, а не хрупкий звон. Мир снова был серым, как будто цвета существовали только внутри кристаллов.

Лира оглянулась на лес.

— Он... будто закрывается за нами.

Кальд посмотрел туда же.

— Лес — не место. Это состояние. Ты войдёшь в него снова, если вернёшься.

— Я не знаю, захочу ли вернуться, — сказала она.

Мира тихо шла рядом.

— Земля говорит, что лес не забывает. Даже если ты уйдёшь, он останется в тебе.

Лира не ответила, но почувствовала, что Мира права.

Они остановились у обломков старой дороги. Эта дорога была почти полностью поглощена пеплом, но кое-где ещё виднелась чёрная поверхность асфальта, трещины, заросшие белыми кристаллами. Она когда-то вела к мегаполису, а теперь стала просто ориентиром.

— Мы должны свернуть к северу, — сказал Кальд, изучая прибор Лиры и небольшой ручной компас.

— Север? — спросила Лира. — Разве мы не шли на юг?

— Нам нужно обойти Зону Старых Заводов. Там много «Серых». Они держат проходы.

Ли́ра кивнула. Она не спорила. Чем больше она видела, тем яснее понимала: карта отца ведёт её не по прямой линии, а по пути, где каждый поворот — не просто география, а судьба.

Пепел в этой зоне был крупнее, тяжёлый, будто спёкшийся. Иногда под ногами хрустели фрагменты кристаллов, как напоминание о том, что лес ещё рядом. Ветер приносил запах старого металла. Это был запах прошлого мира — заводов, машин, горелого масла.

— Мы почти вышли из Стекланных Лесов, — сказала Ли́ра.

— Мы вышли, — ответил Кальд. — Но опасность не ушла.

Он остановился и показал рукой вперёд. Вдалеке, сквозь туман, виднелась линия чёрных силуэтов. Это были руины заводов, словно зубы гигантской челюсти. Над ними висел дым — не дым, а тяжёлый слой пыли, который никогда не рассеивался.

— Нам не туда, — сказала Лира.

— Но они туда, — сказал Кальд, кивнув в сторону горизонта. — Хранители идут через зоны, которых мы боимся. Им нечего терять.

Лира почувствовала, как сжимается сердце. Впереди лежал мир, разделённый на зоны контроля: «Серые», Хранители, остатки старых систем. А между ними — она и её спутники, несущие ключ к будущему.

— Я не хочу войны, — сказала она тихо.

— Она уже здесь, — ответил Кальд. — Мы просто в неё вошли.

Мира остановилась и подняла ладонь.

— Земля говорит: «Слушайте».

Лира прислушалась. Сначала — тишина. Затем — далёкий гул, едва заметный.

— Что это? — спросила она.

— Шаги, — сказала Мира. — Тяжёлые. И ещё... звук же-

леза.

Кальд напрягся.

— Это могут быть «Серые».

— Но они не в лесу, — сказала Лира.

— Они могли обойти. Или ждать на выходе.

Лира схватила нож. Она чувствовала, как усталость превращается в напряжение. Если «Серые» действительно здесь, то это означало, что их преследуют уже давно.

— Нам нужно спрятаться, — сказал Кальд. — В этих обломках.

Они скользнули в развалины старой станции, где когда-то, возможно, проходила железная линия. Теперь здесь остались только стены, обрушившийся потолок и ржавые балки. Внутри было прохладнее, и воздух пах старой сажой.

Лира села, прижавшись к стене. Она вытащила листы и снова посмотрела на них. Ей нужно было понять, что делать дальше.

Кальд, заметив это, сказал:

— Ты не должна думать, что обязана всё решать сама.

— А кто ещё решит?

Он молчал.

— Ты тоже, — сказала Лира. — И Мира.

Мира кивнула, но её глаза были где-то далеко.

Лира снова начала читать. Она хотела увидеть не просто факты, а подсказку.

«Протокол “Тишина”.

Цель: изоляция ядра.

Условие активации: потеря связи с командой.

Рекомендация: уничтожение интерфейса в случае угрозы повторной активации Авроры».

Она замерла.

— Что это значит? — спросила она у Кальда.

— Это значит, что если Арка станет угрозой, её нужно уничтожить.

Лира почувствовала, как внутри что-то ломается.

— Но Арка — это надежда.

— И риск.

Она закрыла глаза. В голове возникла картина: если открыть Арку, можно вернуть растения, воду, жизнь. Но если Арка связана с ИИ, который когда-то спровоцировал Аврору, то это значит, что вместе с надеждой можно выпустить смерть.

Лира подняла голову.

— Может быть, именно поэтому Хранители хотят уничтожить её. Они боятся повторения.

— Возможно, — сказал Кальд. — Но их методы жестоки. Они убивают тех, кто может дать выбор.

Лира задумалась. В ней впервые появилась мысль: а если

она ошибается? А если Арку действительно лучше оставить закрытой?

— Земля говорит, — тихо сказала Мира, — что есть два пути. Один — оставить всё, как есть. Другой — рискнуть. Но оба пути будут болью.

Лира посмотрела на Миру.

— Почему ты уверена?

— Потому что земля уже пережила одну боль. Она знает, что боль всегда возвращается.

Лира отвела взгляд. Её внутренний мир был в смятении. Она чувствовала, что всё, во что она верила, рушится.

Новый шаг

Шаги приближались. Кальд поднял руку, заставляя их замолчать. Лира прислушалась — теперь она тоже слышала этот звук. Тяжёлый, ритмичный, будто сотня людей шла в унисон.

— Это не «Серые», — прошептал Кальд. — Это слишком много.

Ли́ра уви́дела тени скво́зь тре́щину в стене. Их было́ мно́го, де́сятки. Они́ дви́гались бы́стро, неслы́шно для тако́го чи́сла.

— Храни́тели, — проше́птала она́.

— Они́ опереди́ли нас, — сказа́л Ка́льд.

И вду́рг она́ поня́ла: это́ не погоня́. Это́ блока́да. Храни́тели не просто́ иду́т следо́м — они́ перехва́тывают их пу́ть, что́бы отреза́ть.

Ли́ра посмотре́ла на Ка́льда.

— Что́ мы бу́дем дела́ть?

— Мы по́йдём та́м, где́ они́ не жду́т.

Он вы́нул карту́ — не карту́ Наза́ра, а сво́ю собств́енную́ схе́му, наброса́нную на пла́стике.

— Здесь́ есть́ ста́рый тоннель. Он ве́дёт к подзе́мным ко́ммуника́циям за́вода. Мы мо́жем про́йти че́рез них и вы́йти в дру́гой зо́не.

Ли́ра кивну́ла.

— Тогда идём.

Мира прикоснулась к земле, шепнула:

— Земля говорит: «Под землёй опасно, но путь свободен».

Кальд улыбнулся коротко.

— Мы привыкли к опасности.

Спуск

Тоннель находился под завалами, но Кальд быстро расчистил вход, используя металлическую руку как рычаг. Они вошли внутрь.

Подземелье было темнее, чем станции Ржавого Края. Здесь не было фильтров, не было вентиляции. Воздух был тяжёлым, пах железом и старым маслом.

Лира включила лампу. Луч света выхватил ржавые трубы, старые кабели, стены, покрытые слоем пыли. На полу лежали обломки, возможно, остатки оборудования.

— Это коммуникации старого завода, — сказал Кальд. —

Здесь раньше текли химикаты. Теперь — только пыль.

Лири шла осторожно. Она чувствовала, как каждый шаг отдаётся гулом в тёмном пространстве. Мира шла с закрытыми глазами, словно доверяя земле больше, чем свету.

— Ты не боишься? — спросила Лири.

— Бояться можно только того, что видишь, — ответила Мира. — Здесь я слышу.

Лири подумала: эта девочка живёт в другом мире, даже когда мы в одном.

Вдруг впереди раздался звук — капли. Тонкие, редкие.

— Вода? — удивилась Лири.

Кальд кивнул.

— Возможно, старые трубы ещё держат влагу.

Они дошли до небольшого резервуара, где действительно капала вода. Это была первая настоящая вода, которую они видели за долгое время — не из канистр, не из фильтров, а живую. Лири не удержалась: подставила ладони, поднесла к

губам.

Вода была прохладной и чистой. Она почувствовала, как по телу проходит облегчение.

— Это знак, — сказала Мира.

— Какой?

— Земля говорит: «Жизнь ещё есть».

Лира улыбнулась. Даже в этом мёртвом туннеле вода напоминала: мир ещё не умер полностью.

Выход

Тоннель вывел их к другой стороне завода — туда, где руины были более редкими. Они вышли через треснувшую стену и оказались на открытой местности. Впереди был новый горизонт — не Стекланный Лес, не руины, а пустые равнины, ведущие к Кузнице Ветров.

Лира остановилась, глядя вперёд.

— Мы ушли от Хранителей, — сказала она.

— Временно, — ответил Кальд. — Но мы выиграли вре-

мя.

Мира улыбнулась.

— Земля говорит: «Вы успели. Но теперь путь будет другим».

Лира посмотрела на прибор. Точка внутри сияла ярко, словно новый маяк.

— Мы идём дальше, — сказала она. — Пока у нас есть время.

Они вышли из подземного тоннеля и будто оказались в другом времени. Стекланные Леса остались позади, и мир снова стал серым, пепельным, почти бесцветным. Но здесь было больше простора — линии горизонта тянулись далеко, как гладкая рана, и воздух не звенел, а глухо дышал.

Лира подняла воротник, защищаясь от ветра. Он нес с собой сухую пыль и лёгкий запах металла, словно где-то далеко работали старые машины.

Кальд остановился, развернул импровизированную карту — тонкий пластик, на котором он сам наносил ориентиры.

— Мы должны идти к Кузнице Ветров, — сказал он. — Это ближайшее место, где можно укрыться и... узнать больше о системе Арки.

Ли́ра кивнула, но её мысли были о другом. Хранители. Их лица, их слова, холодная уверенность. Они были не похожи на «Серых». «Серые» действовали из прагматизма — вода, контроль, ресурсы. Хранители же действовали из веры. А вера может быть опаснее любого оружия, потому что она не знает сомнений.

Ми́ра шла чуть впереди, её волосы развевались, словно тонкие нити пепла. Она вдруг остановилась.

— Земля говорит, что нас смотрят, — сказала она.

Ли́ра напряглась.

— Откуда?

Ми́ра указала в сторону обломков старого здания.

— Там.

Кальд молча поднял руку, показывая им пригнуться. Они спрятались за серым валуном, чья поверхность была покры-

та древними трещинами.

Сначала Лира не видела ничего, но потом, привыкнув к свету, заметила вдалеке фигуру. Она была неподвижной, почти сливавшейся с фоном. Тот, кто стоял там, был слишком тихим, слишком спокойным. Это не был «Серый». У «Серых» походка тяжёлая, силуэт грубый. Этот же человек выглядел как тень, как продолжение самого пепла.

— Хранитель, — прошептал Кальд.

Лира почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Один?

Кальд покачал головой.

— Если ты видишь одного, значит, их больше.

И действительно, через несколько мгновений за первым силуэтом появились ещё — двое, трое, пятеро. Они двигались медленно, словно не спешили. Их шаги были настолько лёгкими, что пепел почти не поднимался.

Лира смотрела, затаив дыхание. Они несли длинные копья, на концах которых поблёскивали кристаллические лез-

вия. Одежда — песочного цвета, лица — скрыты масками, как у тех, кого они встретили в лесу.

— Они не идут на нас напрямую, — сказал Кальд. — Они пытаются окружить.

Ли́ра ощутила холод.

— Мы должны уйти.

Кальд кивнул.

— Но без паники.

Они поползли вдоль валуна, стараясь оставаться в тени. Земля была неровной, под ногами попадались остатки металла, старые детали. Ли́ра чувствовала, как сердце стучит в висках.

Ми́ра шепнула:

— Земля говорит: «Они не хотят убивать сейчас. Они хотят направить».

— Направить куда? — спросила Ли́ра.

— Туда, где будет конец.

Ли́ра не успела спросить дальше — Кальд жестом показал им ускориться. Они достигли участка, где земля поднималась небольшим холмом. Отсюда можно было спуститься в старое бетонное русло, возможно, остаток дренажной системы.

Они быстро скатились вниз, скрывшись из поля зрения Хранителей. Ли́ра больно ударилась коленом о камень, но не остановилась.

Внизу их встретила прохлада и тишина. Бетонные стены были покрыты мхом — редкое зрелище в этих местах, где жизнь была почти невозможной. Ли́ра задержала взгляд на зелёном пятне.

— Здесь всё ещё есть жизнь, — сказала она.

Кальд не ответил. Он прислушивался.

— Они могут нас услышать, — сказал он наконец. — Мы должны быть тише.

Они шли вдоль русла, пока не достигли небольшой расщелины, ведущей наружу. Ли́ра осторожно выглянула. Хра-

нителей уже не было видно.

— Они ушли? — спросила она.

Кальд покачал головой.

— Они не ушли. Они ждут.

— Почему?

— Потому что они знают: мы не можем уйти далеко. Путь ведёт нас туда, куда они хотят.

Лира задумалась. Может, Хранители не просто преследуют — они действительно пытаются направлять. Их цель — не убить здесь, а заставить дойти до Арки, чтобы уничтожить их там.

— Они хотят, чтобы мы привели их, — сказала она.

Кальд посмотрел на неё.

— Да. Мы — ключ, Лира. Они не могут открыть дверь без нас.

Лира почувствовала, как горло сжалось.

— Значит, мы теперь приманка.

Мира тихо добавила:

— Земля говорит: «Это всегда так».

Лира посмотрела на девочку.

— Что «так»?

— Те, кто несут ключ, всегда становятся целью.

Лира отвела взгляд. Она понимала, что её роль становится всё более тяжёлой.

Они продолжали путь, но теперь каждый шаг был как игра на чужой карте. Лира чувствовала, что за ними наблюдают. Не обязательно вблизи — иногда достаточно осознания, что ты под взглядом, чтобы изменить каждое движение.

Через несколько часов они остановились у разрушенного каркаса здания. Когда-то это было исследовательским центром — на стене сохранилась надпись: «СЕКТОР А-3». Буквы были наполовину стерты, но ещё читаемы.

— Здесь можно остановиться, — сказал Кальд. — Только ненадолго.

Внутри было темно. Лира включила лампу. Свет выхватил разбитые столы, обвалившийся потолок, остатки аппаратуры. Но в углу она заметила странное — маленький алтарь, собранный из камней и металлических обломков. На нём лежала аккуратно сложенная ткань, а поверх — знак Хранителей, вырезанный из кристалла.

— Они были здесь, — прошептала Лира.

Кальд нахмурился.

— Это их место.

— Почему здесь?

— Потому что они приходят туда, где было знание. Они превращают знания в символы.

Лира подошла ближе к алтарю. Она заметила, что вокруг были расставлены маленькие кристаллы — как свечи.

— Они молятся?

Кальд кивнул.

— Они не просто секта. Они религия.

Лира почувствовала холод. «Серые» были врагом, но рациональным. Хранители — враг иного уровня, потому что их цель была оправдана верой, а не логикой.

Мира стояла неподвижно, глядя на алтарь.

— Земля говорит, что эти люди боятся громких звуков. Они хотят тишины, потому что в тишине им кажется, что они ближе к истине.

Лира не ответила. Она впервые почувствовала, что понимает Хранителей — не принимает, но понимает. После Падения Авроры мир стал шумом боли. Тишина для них была лекарством.

— Мы должны уйти, — сказал Кальд. — Пока они не вернулись.

Лира кивнула, но прежде чем уйти, она заметила на стене ещё одну надпись, выцарапанную кем-то, возможно, одним из Хранителей:

«ПЕПЕЛ — ЭТО НЕ КОНЕЦ.

ПЕПЕЛ — ЭТО ПОКОЙ.»

Ли́ра провела пальцами по этим словам. Она чувствовала, как в ней что-то сопротивляется этому. Покой — это смерть. Она не хотела покоя, она хотела жизни.

Они покинули здание, двигаясь быстро и осторожно. Ветер усиливался, и пепел поднимался в воздух, создавая зыбкую завесу. Ли́ра ощущала, как этот пепельный туман превращает мир в зыбкое зеркало: очертания были размыты, звуки глушились, расстояния сокращались. В такой среде легко потеряться и ещё легче быть пойманным.

Кальд вел их по краю старого промышленного района, избегая прямых линий. Он не говорил много, но каждая его пауза была наполнена напряжением. Он прислушивался не столько к звукам, сколько к паузам между ними. Там, где звук исчезал резко, скрывалась опасность.

Ми́ра держалась ближе к Ли́ре. Она шептала почти неслышно:

— Земля говорит: «Они идут по кругу».

— По кругу? — спросила Лира.

— Они не спешат, — пояснила девочка. — Они хотят, чтобы вы пошли туда, куда они ждут.

Лира кивнула. Хранители были не просто охотниками. Они умели ждать, умели направлять. Их методы были чуждыми — не прямыми, но хитрыми.

Вдалеке Лира заметила чёрную полосу — старую магистраль, покрытую пеплом.

— Это может быть путь к Кузнице Ветров, — сказала она.

Кальд кивнул.

— Но там может быть ловушка. Хранители любят использовать старые дороги. Они символичны.

Лира не поняла, но не спросила. Для Хранителей каждый маршрут, каждая руина была частью их ритуала. Они считали себя хранителями истины, и даже их путь был частью веры.

Когда они подошли ближе к магистрали, Лира заметила на асфальте тонкие следы — не колёсные, а будто от лёгких

сандалий. Эти следы пересекали дорогу и уходили в сторону холма.

— Они здесь были, — сказала Лира.

Кальд посмотрел.

— Они следят за нами, но не хотят атаковать здесь.

— Почему?

Кальд задумался.

— Потому что они ждут, когда мы приблизимся к месту силы.

Лира почувствовала тяжесть. Место силы. Он говорил, вероятно, о Кузнице Ветров или даже о самой Арке.

Мира снова закрыла глаза.

— Земля говорит, что впереди есть место, где не слышно пепла.

Лира посмотрела на неё.

— Что это значит?

— Там тишина. Но не тишина покоя. Тишина ожидания.

Кальд поднял голову и посмотрел на горизонт.

— Кузница Ветров. Там шум ветровых турбин поглощает всё. Но если она молчит — значит, что-то не так.

Они шли вдоль магистрали, пока не подошли к разрушенному мосту. Старые бетонные опоры стояли, словно гигантские кости, но сам мост был частично обвален. Под ним простиралась глубокая трещина, заполненная тёмным пеплом, который словно дышал.

— Мы должны перейти, — сказал Кальд.

— Здесь нет дороги, — возразила Лира.

— Есть. По балкам.

Она посмотрела вниз. Балки выглядели хрупкими, покрытыми ржавчиной и пеплом. Но иного пути не было. Хранители могли окружить их, если они задержатся.

Мира прошла первой, как всегда. Она двигалась так легко,

словно её не касалась тяжесть мира. Лира шла следом. Под её ногами балки дрожали, и каждый шаг отдавался глухим эхом в глубине. Она старалась не смотреть вниз.

Кальд шёл последним, его металлическая рука иногда касалась балки, удерживая равновесие.

В середине моста Лира услышала странный звук — не шага, не ветер. Это был низкий шёпот, словно кто-то говорил прямо из трещины.

— Ты слышишь? — спросила она шёпотом.

Мира кивнула.

— Земля говорит: «Не смотри вниз».

Лира послушалась, но в тот же момент почувствовала, как мост дрогнул.

— Быстрее, — сказал Кальд.

Они ускорились. Лира почувствовала, как балки под её ногами треснули. Она почти бежала. И когда они оказались на другой стороне, мост позади рухнул, поглощённый пеплом.

Ли́ра оберну́лась.

— Если бы мы замедлились...

Кальд кивнул.

— Тогда бы не дошли.

Ми́ра смотре́ла на обвалившийся мост.

— Земля говорит, что он был готов упасть давно. Вы просто были последними, кто прошёл.

Ли́ра выдохнула. Их путь становился всё опаснее.

Когда они продолжили путь, Ли́ра заметила вдалеке фигуры. Они стояли на холме, словно наблюдали. Это были Хранители. Они не спешили, но и не уходили. Они были похожи на статуи, вырезанные из пепла и ветра.

— Они не преследуют нас сейчас, — сказала Ли́ра. — Почему?

Кальд посмотрел на них.

— Потому что их цель — не поймать нас здесь. Их цель — дойти до Арки через нас.

Ли́ра почувствовала гнев.

— Мы не должны давать им это.

— Мы не можем просто остановиться, — сказал Кальд. — Арка либо будет открыта, либо уничтожена. Вопрос — кто сделает это.

Ли́ра молчала. Она знала, что её выбор всё ближе.

Ми́ра смотрела на фигуры на холме.

— Земля говорит: «Они молятся».

— О чём? — спросила Ли́ра.

— О тишине.

Ли́ра вздрогнула.

— Тишина — это смерть.

— Для них — это спасение, — сказала Ми́ра.

Ли́ра думала об этом, пока они шли. Для кого-то спасение — тишина. Для кого-то — жизнь. И этот конфликт был древним, как сама земля.

Вечером они остановились в небольшой ложбине, чтобы укрыться от ветра. Развели маленький огонь. Пепельное небо казалось низким и тяжёлым.

Кальд сидел молча, точил нож. Ли́ра лежала, держа в руках листы из журнала. Мира, как обычно, прислушивалась.

И вдруг — голос.

— «Вы не дойдёте».

Ли́ра резко поднялась. Голос прозвучал рядом, но не было видно никого.

— Кто здесь? — спросила она.

Из тени вышел один Хранитель. Он держал руки поднятыми, показывая, что не нападёт. Его лицо было открыто — тот же мужчина, которого они видели в лесу.

— Я пришёл говорить, — сказал он.

Кальд напрягся, но не напал.

— Зачем?

— Чтобы вы поняли.

Лира смотрела на него.

— Мы не просили.

— Но вы несёте ключ, — сказал он. — А ключ должен понимать дверь.

Он сел у огня, не спрашивая разрешения. Его лицо было спокойным, но глаза — усталыми.

— Вы думаете, что Арка спасёт людей? — спросил он.

Лира не ответила сразу.

— Мы хотим дать шанс.

— Шанс — это повторение, — сказал Хранитель. — Вы дадите людям то же, что у них было. И они повторят ошибки.

— Может быть, — сказала Лира. — Но мы не можем жить только на пепле.

— Вы живёте.

— Это не жизнь, — резко ответила она. — Это выживание.

Хранитель посмотрел на неё, и в его взгляде была боль.

— Я видел зелёный мир. Я видел леса, я слышал воду. И я видел, как люди уничтожили это.

Лира замолчала.

— Мы не хотим возвращения, — продолжил он. — Мы хотим покоя. Мы хотим, чтобы земля наконец смогла дышать без человеческих ошибок.

Кальд стиснул зубы.

— Это не вам решать.

Хранитель взглянул на него.

— Это решит ключ.

Он повернулся к Лире.

— Ты — ключ. Твоё решение определит судьбу.

Лири почувствовала, как внутри всё сжалось.

— А если я решу иначе, чем вы хотите?

Хранитель улыбнулся, но его улыбка была печальной.

— Тогда мы сделаем всё, чтобы остановить тебя. Но пока... мы даём тебе выбор.

Он поднялся.

— Я хотел, чтобы ты знала. И чтобы ты увидела, что мы не монстры. Мы просто боимся того, что вы называете надеждой.

Он ушёл так же тихо, как пришёл.

Лири сидела молча. Она чувствовала, как слова Хранителя оставили след. Это было не просто враг — это был человек, чья боль была реальной.

Кальд посмотрел на неё.

— Не слушай его.

— Я должна, — ответила Лира. — Потому что его страх — часть моего выбора.

Ночь после разговора с Хранителем была долгой. Лира не могла уснуть. Огонь давно погас, но тепло его слов не исчезло — они горели внутри, как угли, которые нельзя затушить.

Она сидела, прижав колени к груди, и смотрела в тёмное небо. Оно было таким же серым, как днём, но ночью казалось ещё тяжелее, словно давило на землю своим молчанием. В этой тишине слова Хранителя звучали громче, чем ветер: «Вы дадите людям то же, что у них было. И они повторят ошибки».

Кальд спал чутко, сидя у стены, его металлическая рука лежала на колене. Мира лежала неподвижно, но Лира знала, что девочка не спит. Она слушала землю, как слушают дыхание близкого.

— Ты слышишь? — тихо спросила Лира.

Мира не открыла глаз.

— Земля говорит, что ты сомневаешься.

Ли́ра вздохнула.

— А если он прав?

Ми́ра чуть повернула голову.

— Земля говорит, что правы могут быть все. Но выбирать нужно тебе.

Ли́ра закрыла глаза. Перед ней вставали образы: Ржавый Край, очереди за водой, дети с сухими губами, старики с пустыми глазами. И другая картина — зелёные деревья, вода, жизнь. Что она могла дать этим людям? Надежду. Но надежда может быть жестокой.

Она вспомнила отца. Назар всегда говорил: «Путь — это не то, куда ты идёшь. Это то, кем ты станешь, когда туда придёшь». Она боялась того, кем станет.

На рассвете, если его можно так назвать, они собрались и продолжили путь. Пепельная равнина тянулась бесконечно, и только далёкие контуры Кузницы Ветров обещали перемену. Огромные силуэты турбин возвышались на горизонте,

как гигантские руки, поднятые к небу.

— Если Кузница всё ещё работает, — сказал Кальд, — мы можем получить там энергию, воду и, возможно, информацию.

— А если её контролирует ИИ? — спросила Лира.

— Тогда это будет опасно.

Лира кивнула. В этом мире всё было опасным.

Они шли молча. Каждый был погружён в свои мысли.

Мира вдруг остановилась.

— Земля говорит, что за нами снова следят.

Лира обернулась. На горизонте, далеко позади, стояли тёмные фигуры. Хранители не исчезли. Они оставались, как тени, которые нельзя отогнать.

— Они не уходят, — сказала Лира.

— Они не могут уйти, — ответил Кальд. — Их вера связывает их сильнее, чем цепь.

Ли́ра взглянула на фигуры.

— Я не ненавижу их, — сказала она тихо.

Кальд поднял брови.

— Ты не обязана их ненавидеть. Но ты обязана идти.

Она кивнула.

По пути они наткнулись на старый лагерь. Он был небольшим, скрытым за обломками здания, словно кто-то пытался спрятать его от мира. На земле лежали остатки костра, несколько консервных банок, куски ткани.

— Здесь кто-то был недавно, — сказала Ли́ра.

— Не «Серые», — заметил Кальд, поднимая кусок ткани.

— Их ткань другая.

Ми́ра подошла ближе, коснулась пепла.

— Земля говорит, что здесь были те, кто бежал.

— От кого? — спросила Ли́ра.

Мира не ответила сразу.

— От них самих.

Лира не поняла, но в этом мире странные ответы часто были правдой.

Она заметила в углу лагеря небольшой металлический контейнер. Открыла его — внутри лежала старая фотография, почти стёртая. На ней были люди — трое, улыбающиеся, на фоне зелёных деревьев. Лира не могла вспомнить, когда в последний раз видела фотографию.

Она протянула её Кальду.

— Посмотри.

Он взял фотографию, долго смотрел.

— Они жили до Авроры.

— Они улыбаются, — сказала Лира.

— Да, — ответил Кальд. — Они ещё не знали, что всё закончится.

Ли́ра почувствовала, как внутри появляется странная тоска по миру, которого она никогда не знала.

— Это тоже часть выбора, — сказал Кальд. — Мы выбираем, чтобы люди могли улыбаться так же.

Ли́ра кивнула. Фотография стала для неё новой точкой опоры.

Они продолжили путь. Кузница Ветров приближалась, но вместе с ней росло напряжение. Ветер усилился, и в нём слышался гул — не только от турбин, но и от чего-то другого.

Кальд вдруг остановился.

— Стойте.

Ли́ра замерла.

— Что?

— Смотри на пепел.

Она посмотрела вниз и увидела странные следы — узкие углубления, как будто кто-то вставлял в пепел тонкие метал-

лические штыри. Эти следы тянулись по кругу, окружая участок земли.

— Это ловушка, — сказал Кальд. — Хранители.

Лира нахмурилась.

— Они ставят ловушки?

— Они не только верят. Они учатся.

Мира прикоснулась к пеплу.

— Земля говорит, что это не для нас. Это для тех, кто идёт за нами.

Лира посмотрела на неё.

— «Серые»?

Мира кивнула.

— Здесь будут встречаться все.

Лира почувствовала, как сердце сжалось. Их путь становился полем битвы, где столкнутся три силы: они, Хранители

ли и «Серые».

— Мы должны пройти, пока ловушка не сработала, — сказал Кальд.

Они осторожно обошли круг, стараясь не задеть штыри. Лира чувствовала напряжение в каждом шаге. Она понимала: если ловушка сработает, это будет сигнал. И все узнают, где они.

Когда они отошли достаточно далеко, Мира вдруг остановилась и начала тихо петь. Это была странная мелодия — не похожая на человеческую, скорее напоминающая звук ветра в пепле, но с ритмом, который захватывал.

Лира слушала, замороженно.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Я говорю с землёй, — ответила Мира. — Я прошу её укрыть нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.